

МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И СТРАНОВЕДЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

ПИТЕР АКРОЙЛ ЛОНДОН БИОГРАФИЯ

 альпина
ПАБЛИШЕР

Питер Акройд
Лондон. Биография

«Альпина Диджитал»

2000

Акройд П.

Лондон. Биография / П. Акройд — «Альпина Диджитал», 2000

ISBN 978-5-9614-4422-3

Это не путеводитель и не исторический очерк. Это – биография. Питер Акройд описал все черты Лондона, будь они прекрасны или отвратительны. Кровожадность толпы и пестрота ярмарок, независимость лондонцев, которых опасались даже короли, и вонь трущоб, которые сохранились даже в ХХІ веке. История баров и история театров, великие пожары и великие туманы. Запах Лондона, шум Лондона, цвет Лондона – всё смешалось под мастерским пером Питера Акройда.

ISBN 978-5-9614-4422-3

© Акройд П., 2000

© Альпина Диджитал, 2000

Содержание

Хронология	6
Город как тело	12
С древних времен до 1066 года	14
Глава 1	15
Глава 2	24
Глава 3	36
Раннее средневековье	40
Глава 4	41
Город контрастов	55
Глава 5	56
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Питер Акройд

Лондон. Биография

Художник *Андрей Бондаренко*

Перевод *Владимира Бабкова и Леонида Мотылева*

Руководитель проекта *С. Турко*

Корректоры *Е. Аксёнова, С. Мозалёва*

Компьютерная верстка *А. Абрамов*

Арт-директор *Ю. Буга*

© Peter Ackroyd 2000

This edition published by arrangement with the Susij n Agency

© В. Бабков, перевод, 2015

© Л. Мотылев, перевод, 2015

© А. Бондаренко, оформление, 2016

© ООО «Альпина Паблишер», 2016

Все права защищены. Произведение предназначено исключительно для частного использования. Никакая часть электронного экземпляра данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для публичного или коллективного использования без письменного разрешения владельца авторских прав. За нарушение авторских прав законодательством предусмотрена выплата компенсации правообладателя в размере до 5 млн. рублей (ст. 49 ЗОАП), а также уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до 6 лет (ст. 146 УК РФ).

* * *

Посвящается Иэйну Джонстону

и

Фредерику Николасу Робертсону

Хронология

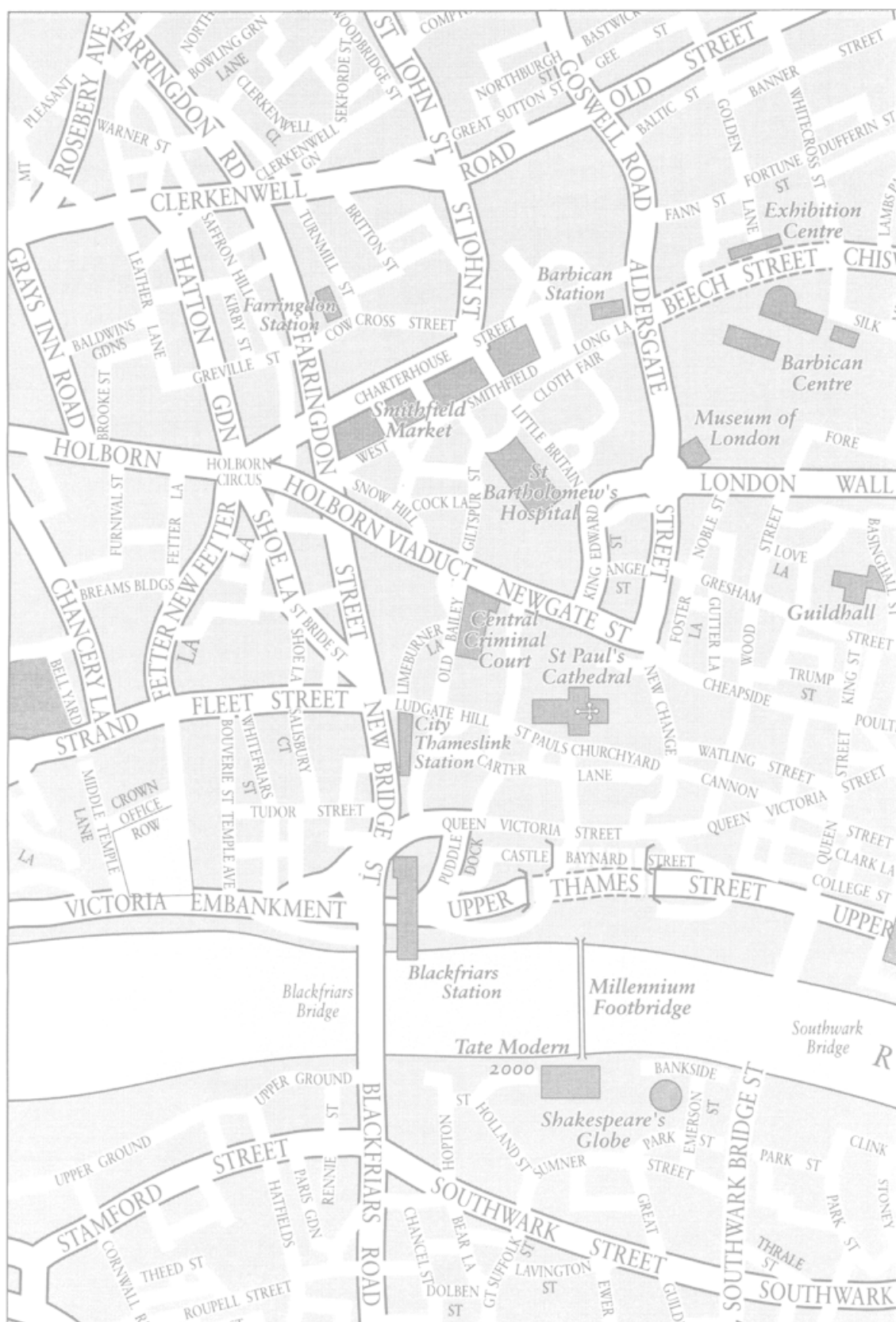
- 54 до н. э.** Первая британская экспедиция Цезаря.
41 Вторжение римлян в Британию.
43 Наименование города Лондиниумом.
60 Сожжение Лондона Боудиккой.
61–122 Перестройка Лондона.
120 Лондонский пожар в эпоху Адриана.
ок. 190 Постройка великой стены.
407 Уход римлян из Лондона.
457 Бегство из Лондона бриттов под натиском саксов.
490 Саксонское владычество в Лондоне.
587 Лондонская миссия Августина.
604 Создание в Лондоне епархии и постройка собора Св. Павла.
672 Упоминание о «Лондонском порте». Рост Лунденвика.
851 Лондон штурмуют викинги.
886 Альфред отвоевывает и восстанавливает Лондон.
892 Лондонцы отбивают нападение датского флота.
959 Большой пожар в Лондоне. Сгорел собор Св. Павла.
994 Лондон осажден датским войском.
1013 Вторая осада Лондона. Город взят Свеном.
1016 Кнут осаждает Лондон в третий раз. Нападение отбито.
1035 Лондонцы избирают королем Гарольда I.
1050 Перестройка Вестминстерского аббатства.
1065 Освящение Вестминстерского аббатства.
1066 Захват Лондона Вильгельмом Завоевателем.
1078 Постройка Белой башни.
1123 Рахере воздвигает церковь Сент-Бартоломею.
1176 Постройка каменного моста.
1191 Создание лондонской «коммуны».
1193–1212 Правление первого мэра Лондона – Генри Фицэйлуйна.
1220 Перестройка Вестминстерского аббатства.
1290 Изгнание евреев. На Чипсайде и Чаринг-кроссе воздвигнуты кресты в память о королеве Элеоноре.
1326 Лондонская революция – свержение короля Эдуарда II.
1348 «Черная смерть» уничтожает треть лондонского населения.
1371 Основан Чартер-хаус.
1373 Чосер живет над Олдгейтом.
1381 Восстание Уота Тайлера.
1397 Ричард Уиттингтон – первый избранный мэр.
1406 Эпидемия чумы.
1414 Восстание лоллардов.
1442 Стрэнд вымощен.
1450 Восстание Джека Кейда.
1476 Уильям Кэкстон создал первую типографию.
1484 Эпидемия «потницы» в Лондоне.
1485 Триумфальное вступление в Лондон Генриха VII после битвы при Босворте.
1509 Восшествие на престол Генриха VIII.

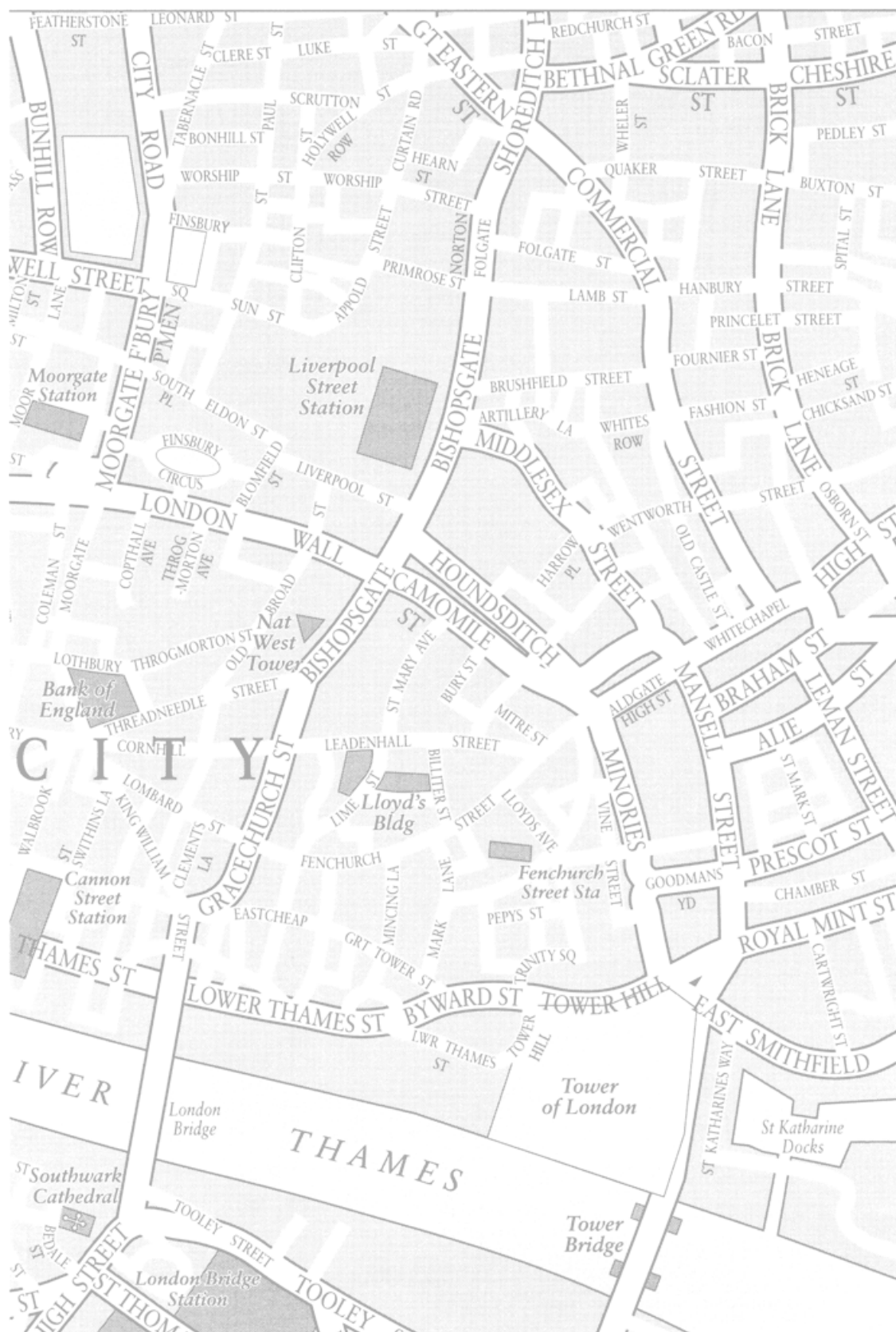
- 1535** Казнь Томаса Мора на Тауэр-хилле.
- 1535–1539** Разграбление лондонских монастырей и церквей.
- 1544** Великая лондонская панорама Уингарда.
- 1576** Постройка «Театра» в Шордиче.
- 1598** Публикация «Обзора Лондона» Стоу.
- 1608–1613** Прорыт канал Нью-ривер.
- 1619–1622** Постройка Иниго Джонсом Банкетинг-хауса.
- 1642–1643** Сооружение земляных валов и укреплений для защиты от королевской армии.
- 1649** Казнь Карла I.
- 1652** Появление первой кофейни.
- 1663** Постройка театра «Друри-лейн».
- 1665** Великая чума.
- 1666** Великий пожар.
- 1694** Создание Английского банка.
- 1733** Река Флит заключена в трубу.
- 1750** Постройка Вестминстерского моста.
- 1756** Прокладка Нью-роуд.
- 1769** Постройка моста Блэкфрайарс.
- 1769–1770** Агитация Уилкса и его сторонников.
- 1774** Акт о строительстве.
- 1780** Мятеж лорда Гордона.
- 1799** Создание «компании Вест-Индского дока».
- 1800** Основание Королевского хирургического колледжа.
- 1801** Численность лондонского населения достигла миллиона.
- 1809** На Пэлл-Мэлл появилось газовое освещение.
- 1816** Сходки радикалов на Спа-филдс. Волнения в Спитл-филдс.
- 1824** Основана Национальная картинная галерея.
- 1825** Нэш перестраивает Букингемский дворец.
- 1829** Образована «лондонская столичная полиция».
- 1834** Здание парламента уничтожено огнем.
- 1836** Основан Лондонский университет.
- 1851** В Гайд-парке открылась Великая выставка.
- 1858** Год «великой вони». Начало работ по созданию новой системы канализации под руководством Джозефа Базалджетта.
- 1863** Начал действовать первый в мире метрополитен.
- 1878** Внедрение электрического освещения.
- 1882** Появление электрического трамвая.
- 1887** «Кровавое воскресенье». Разгон демонстрации на Трафальгар-сквер.
- 1888** В Уайтчепеле орудует Джек-потрошитель.
- 1889** Создание Совета Лондонского графства.
- 1892** Начата прокладка Блэкуоллского туннеля под Темзой.
- 1897** Возникновение первых автобусов.
- 1901** В Лондоне 6,6 миллиона жителей.
- 1905** Эпидемия тифа. Открыто движение по Олдуичу и Кингсуэй.
- 1906** Демонстрация суфражисток на Парламент-сквер.
- 1909** Открытие универсального магазина Селфриджа.
- 1911** Осада дома на Сидни-стрит.
- 1913** Начала проводиться Челсийская цветочная выставка.
- 1915** На Лондон падают первые бомбы.

- 1926** Всеобщая забастовка.
- 1932** Постройка Дома радиовещания на Портленд-плейс для корпорации «Би-би-си».
- 1935** Создание вокруг Лондона «зеленого пояса».
- 1936** Сражение на Кейбл-стрит.
- 1940** Начало «лондонского блица».
- 1951** Фестиваль Британии на южном берегу Темзы.
- 1952** Большой смог.
- 1955** Открытие аэропорта Хитроу.
- 1965** Упразднение Совета Лондонского графства. Создание Совета Большого Лондона.
- 1967** Закрытие Ост-Индского дока. Постройка Сентерпойнта.
- 1981** Брикстонские волнения. Образована компания «Доклендс девелопмент корпорейшн».
- 1985** Волнения в Бродуотер-фарм.
- 1986** Завершение строительства кольцевой дороги М25. Упразднение Совета Большого Лондона. «Большой взрыв» на фондовой бирже.
- 1987** Постройка здания Канари-уорф.
- 2000** Выборы мэра.
- Лондон, около 1800 г.

Город и предместья, 2000 г.

Вест-Энд, 2000 г.

Город как тело

Представление о Лондоне как о человеческом теле и необычно, и поразительно. Его можно связать с символическими образами Града Господня – мистического тела, члены которого – люди, голова – Иисус Христос. Лондон облакали также в форму вольно раскинувшего руки юноши; хотя образцом для фигуры послужило римское бронзовое изделие, она воплотила в себе энергию и ликование города, неустанно распространяющегося вширь великими волнами прогресса и веры в себя. Вот где оно бьется – «Лондона жаркое сердце».

Переулки города подобны капиллярам, парки его – легким. В дождь и туман городской осени блестящие камни и булыжник старых улиц словно кровоточат. Уильям Гарвей, ходя по улицам в бытность свою хирургом больницы Сент-Бартоломью, заметил, что шланги пожарных насосов выбрасывают воду такими же толчками, как вскрытая артерия выбрасывает кровь. В говоре кокни метафорические представления о частях тела лондонца циркулировали еще столетия назад: *gob* (комочек) в значении «рот» зафиксировано в 1550 году, *paws* (лапы) в значении «руки» – в 1590 году, *mug* (кружка) в значении «лицо» – в 1708 году, *kisser* (от *kiss* – целовать) в значении «рот» – в середине XVIII века.

Больница XVII столетия, где работал Гарвей, находилась рядом со смитфилдской скотобойней, и это соседство рождает иной образ города. Он ненасытен и плотояден, охоч до людей, жратвы, товаров и питья; он потребляет и испражняется, движимый неутихающей жадностью и вечным вожделением.

Для Даниэля Дефо Лондон был огромным телом: «В нем все обращается, оно все извергает и под конец за все расплачивается». Вот почему этот город часто изображали чудовищем – жирным и отечным великаном, который губит больше, чем порождает. Голова непомерно велика, лицо и руки уродливо деформированы и «лишены всякого пристойного образа». Поистине это «опухоль», «исполинский нарост». Сотрясаемое лихорадкой, задыхающееся от пепла, тело это влечется от Великой чумы к Великому пожару.

Как ни воспринимай Лондон – пробудившимся от сна свежим юношей или уродливым великаном, – мы в любом случае должны видеть в нем организм, подобный человеческому, со своими собственными закономерностями жизни и роста.

А раз так – вот его биография.

Иные возразят: подобная биография не может составить часть подлинной истории города. Соглашаюсь и признаю этот дефект; в оправдание себе скажу, что подчинил стиль исследования характеру предмета. Лондон – лабиринт наполовину из камня, наполовину из плоти. Его нельзя представить себе во всей полноте, его можно лишь пережить на опыте как дикую местность, состоящую из множества переулков, проездов, дворов и магистралей, где способен заблудиться даже самый искушенный лондонец. Еще одно любопытное свойство этого лабиринта состоит в том, что он непрерывно меняется и растет вширь.

Биография Лондона, кроме того, не может быть подчинена хронологии. Лондон предвосхитил построения нынешних теоретиков, предположивших, что линейное время – фикция, порожденная человеческим воображением. В городе сосуществует много различных форм времени, и с моей стороны было бы глупо насиловать их характер ради того, чтобы создать традиционное повествование. Вот почему эта книга по-донкихотски скачет во времени, вот почему она сама образует лабиринт. Если история лондонской бедности поставлена рядом с историей лондонского безумия, то взаимосвязи, возможно, дадут больше пищи для размышлений, чем любое историческое исследование в общепринятой форме.

Главы истории напоминают маленькие калитки у Джона Беньяна посреди «трясин отчаяния» и «долин унижения». Поэтому я порой схожу с узкой проторенной тропы в поисках тех

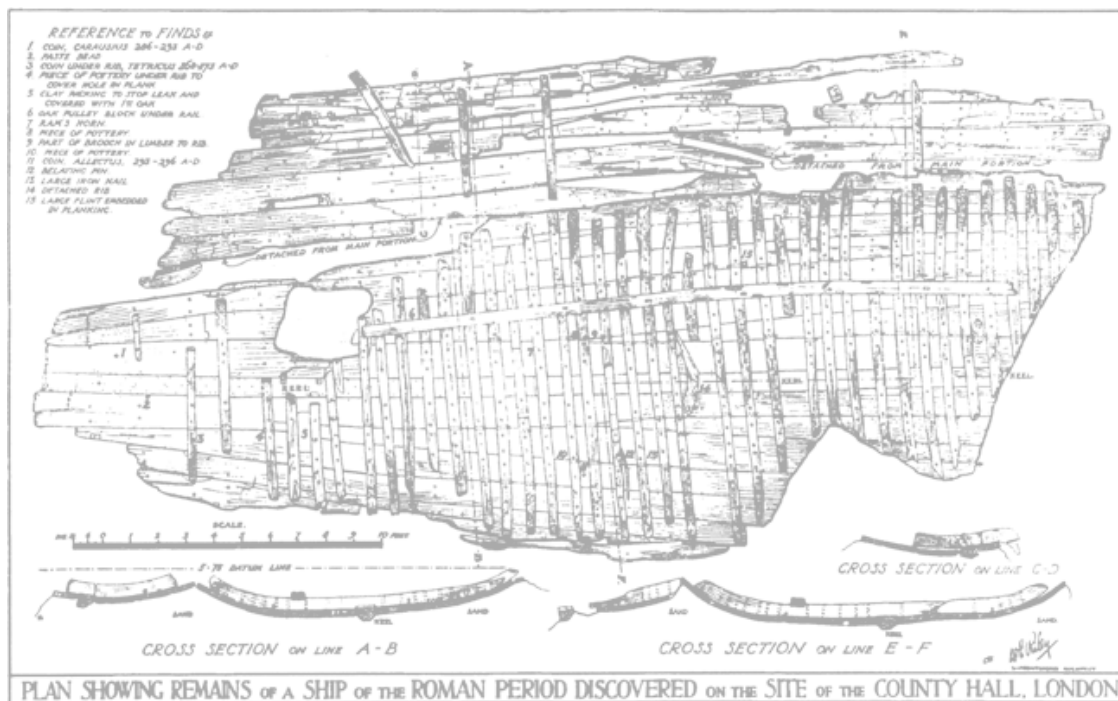
высот и глубин городского опыта, что не знают истории и, как правило, не поддаются рациональному анализу. Я верю, что та толика понимания, какой я обладаю, сделает мой рассказ достаточно убедительным. Я не Вергилий, приглашающий пытливых Данте в путешествие по четко очерченному, круговому царству. Я всего-навсего спотыкающийся лондонец и хочу провести других маршрутами, по которым ходил всю жизнь.

Читателям этой книги придется блуждать в пространстве и в воображении. По пути они могут потерять ориентировку, испытать минуты неуверенности; иные странные фантазии или теории могут вызвать у них оторопь. На некоторых улицах подле них будут медлить, моля о внимании к себе, необычные или болезненно ранимые люди. Они столкнутся с аномалиями и противоречиями – ведь Лондон настолько велик и неуправляем, что заключает в себе едва ли не все на свете; они столкнутся с сомнениями и неясностями. Но их ждут и минуты откровения, когда город предстанет перед ними вмещилищем тайн людского мира. Самое мудрое тогда – склониться перед необъятностью. Отправимся же, полные предчувствий, куда указывает милевой придорожный камень: *В Лондон.*

*Питер Акرويد
Лондон
Март 2000 г.*

С древних времен до 1066 года

Останки былых эпох обнаружены в земле под многими районами Лондона. Поистине это основа, на которой покоится город.

Глава 1

Море!

Если вы дотронетесь до постамента конной статуи короля Карла I на Чаринг-кроссе, ваши пальцы могут наткнуться на окаменелые останки морских лилий, морских звезд или морских ежей. Существует фотография этой статуи, сделанная в 1839 году; даже от попавших в кадр наемных экипажей и мальчишек в цилиндрах веет далеким прошлым, но как же невообразимо давно жили эти крохотные морские обитатели! В начале было море. Одна из популярных некогда песенок называлась «Почему бы в Лондоне не плескаться морю?», но тут и спрашивать нечего: ведь пятьдесят миллионов лет назад на месте нашей столицы действительно гуляли морские волны.

Водная стихия и поныне напоминает о себе следами, оставленными ею на древних камнях Лондона. На портлендском камне, из которого сложены Кастомс-хаус и церковь Сент-Панкрас-Олд-черч, различимы диагональные напластования, возникшие благодаря океанским течениям; на стенах Британского музея и Мэншн-хауса, резиденции лорд-мэра, попадаются вкрапления доисторических ракушек. Сероватый мрамор вокзала Ватерлоо хранит отпечатки морских водорослей, а характерные борозды на стенах подземных переходов свидетельствуют о мощи давно отбушевавших ураганов. По камням моста Ватерлоо можно изучать ложе верхнеюрского моря. Таким образом, нас до сих пор окружают шторма и течения, и, как писал Шелли, Лондон, этот «великий океан», «извергает на берег останки жертв и воеет, требуя еще».

Лондон всегда был гигантским океаном, в котором нелегко уцелеть. Купол собора Св. Павла порой словно дрожит над седым волнующимся морем тумана, а темные потоки людей струятся по мостам, Лондонскому и Ватерлоо, и растекаются по узким столичным улицам. Социальные работники в середине XIX века говорили о спасении «утопающих» в Уайт-чепеле и Шордиче, а романист той же эпохи Артур Моррисон пишет о «множестве людей, потерпевших крушение», которые вопиют о помощи. Генри Пичему, написавшему в XVII столетии книгу «Искусство жить в Лондоне», этот город видится «бескрайним морем, полным бушующих ветров, опасных отмелей и рифов», а Луи Симон в 1810-м с удовольствием прислушивался к «размеренному неумолкаемому рокоту его волн».

Если посмотреть на город издалека, вы увидите море крыш; людские потоки в его темной глубине заметны не более, чем обитатели какого-нибудь неведомого океана. Но на самом деле здесь вечно бурлит беспокойная жизнь со своими водоворотами и течениями, пеной и брызгами. Уличный шум похож на гул морской раковины, а в прошлом, когда город погружался в плотный туман, его жители словно бродили по морскому дну. Даже городские огни ничего не меняют, и Лондон по-прежнему остается тем, что Джордж Оруэлл описывал как «океанское ложе, над которым скользят светящиеся рыбы». Это привычный образ столицы, особенно часто встречающийся в романах XX века – поры, когда чувство безнадежности и подавленности придавало городу черты загадочной, безмолвной пучины.

Однако, подобно морю и виселице, Лондон не отказывает никому. Те, кто пускается в плавание по его просторам, ищут богатства и славы, хотя нередко захлебываются в его волнах. Джонатан Свифт сравнивал биржевых маклеров с торговцами, дожидаящимися кораблекрушения, чтобы обобрать мертвецов, а на зданиях многих фирм в лондонском Сити можно увидеть модели корабля или лодки, используемые в качестве флюгера или талисмана. Три самые распространенные эмблемы на городских кладбищах – это раковина, корабль и якорь.

Скворцы на Трафальгар-сквер ничем не отличаются от тех скворцов, что гнездятся на обрывистых берегах Северной Шотландии. Лондонские голуби ведут свое происхождение от диких сизых голубей, которые жили среди крутых утесов на севере и западе этого острова. Для них городские здания – те же скалы, а улицы – простирающееся у их подножий бескрайнее

море. Но главная печать родства – это безмолвные, но красноречивые следы, оставленные на теле Лондона, столь долго властвовавшего в торговле и на море, древними приливами и волнами.

А когда расступились волны, обнажилась лондонская земля. В 1877 году – в викторианскую эпоху на подобные проекты не жалели сил и средств – у южного конца Тоттем-корт-роуд был прорыт гигантский колодец глубиной 1146 футов. Он пронизал толщу сотен миллионов лет, достигнув первобытных ландшафтов места, на котором теперь расположен город, и благодаря его свидетельствам мы знаем о залегающих под нашими ногами слоях девонского, юрского и мелового периодов. Над ними лежат 650 футов меловых пород, выходящих на поверхность в Даунсе и Чилтернских округах, по краям Лондонского бассейна – этого похожего на мелкое блюдо углубления, в котором покоится столица. Мел покрыт толстым слоем лондонской глины, а тот, в свою очередь, покрывают отложения гравия и кирпичной глины. Из всего этого и вырос город практически в прямом смысле: обыкновенная глина, мел и кирпичная глина на протяжении почти двух тысячелетий служили материалом для возведения жилых и общественных зданий Лондона. Город словно поднялся из своей первобытной основы, породив человеческие обиталища из косного вещества доисторических времен.

Из этой глины путем прессования и обжига изготавливают так называемый лондонский кирпич особого желтовато-коричневого или красного цвета, послуживший материалом для постройки многих столичных домов. Он поистине воплощает собой *genius loci*, «гений места», и Кристофер Рен утверждал, что «из земли в окрестностях Лондона при надлежащем умении можно изготавливать кирпич не хуже римского... и в нашем климате он наверняка окажется более стойким, чем любой камень». Уильям Блейк называл лондонские кирпичи «добротными памятками», подразумевая под этим, что превращение глины и мела в стены человеческих жилищ, являясь одним из аспектов развития цивилизации, тем не менее прочно привязывает город к его первобытному прошлому. Лондонские дома XII века сделаны из пыли, которая носилась над этим местом еще в ледниковую эпоху, 25 000 лет тому назад.

В лондонской глине можно найти и более осязаемые свидетельства ее долголетия – скелеты акул (в Ист-Энде бытовало поверье, что акулы зубы помогают от колик), череп волка на Чипсайде и кости крокодилов в Излингтоне. В 1682 году Драйден писал об этом ныне забытом и невидимом лондонском достоянии:

Находим чудищ тех, что породил
Во время давнее твой плодородный ил.

Восемь лет спустя, в 1690-м, близ места, где затем вырос вокзал Кингс-кросс, были найдены останки мамонта.

По прихоти погоды лондонская глина легко превращается в грязь, и в 1851 году Чарльз Диккенс заметил: «...на улицах столько грязи... что неудивительно было бы встретить мегалозавра длиной футов в сорок, ковыляющего по Холборн-хиллу, словно гигантская ящерица». В 1930-х Луи-Фердинанд Селин назвал автобусы на Пиккадилли-серкус «стадом мастодонтов», вернувшихся в края своего прежнего обитания. Герой «Отца-Лондона» Майкла Муркока, идущий по пешеходному мостику рядом с Хангерфордским железнодорожным мостом, видит на месте Лондона конца XX века «чудовищ, пасущихся у болота среди гигантских папоротников».

Скелет мамонта 1690 года был лишь первой из целого ряда подобных находок в Лондоне и его окрестностях. Гиппопотамы и слоны лежат под Трафальгар-сквер, львы – на Чаринг-кроссе, а буйволы – близ церкви Сент-Мартин-ин-де-филдс. На севере Вулиджа нашли бурого медведя, на старом кирпичном заводе в Холлоуэе – макрель, а в Брентфорде – акул. Среди представителей дикой лондонской фауны есть северные олени, гигантские бобры, гиены и носороги, которые когда-то паслись на заболоченных берегах Темзы. И это прошлое еще не

ушло окончательно. Не так уж давно туманы, наползающие на город с древних вестминстерских болот, погубили фрески в часовне Сент-Стивен. Рядом с Национальной галереей и теперь можно различить то, что осталось от уступа между средней и верхней террасами Темзы в эпоху плейстоцена.

Даже в ту пору эти края не были необитаемы. Вместе с костями мамонта на Кингс-кроссе археологи обнаружили осколки кремневого топора, отнесенные ими к эпохе палеолита. С известной долей достоверности мы можем утверждать, что люди жили и охотились на месте будущего Лондона в течение полумиллиона лет, хотя история здешних поселений, пожалуй, короче. Первый великий лондонский пожар запылал четверть миллиона лет назад в лесах к югу от Темзы. Тогда эта река уже текла по своему нынешнему руслу, хотя выглядела совсем иначе: она была очень полноводна, в нее впадало множество мелких речушек, а по ее берегам росли густые леса и тянулись болота и топи.

Предыстория Лондона дает почву для бесчисленных догадок, и размышления о человеческих поселениях в тех местах, где затем, много тысяч лет спустя, были проложены улицы и выстроены дома, доставляют удовольствие особого рода. Нет никаких сомнений в том, что люди селились в этих краях на протяжении по крайней мере пятнадцати тысяч лет. Огромное количество кремневых орудий, найденное на раскопках в Саутуорке, видимо, является продукцией мезолитического производства; в Хемпстед-хите были обнаружены признаки охотничьей стоянки того же периода; в Клэпеме нашли неолитический горшок. На местах этих древних поселений были найдены ямы, в том числе вырытые под столбы, а также человеческие останки и следы празднеств. Наши далекие предки пили нечто вроде медовухи или пива. Подобно своим далеким потомкам, они повсюду оставляли за собой горы мусора. С нашими современниками их роднила и привычка собираться вместе для исполнения религиозных обрядов. Много тысяч лет эти древние люди поклонялись великой реке как высшему существу и предавали ее водам тела своих именитых собратьев.

В период позднего неолита на большей частью заболоченных почвах северного берега Темзы, среди зарослей ивняка и осоки поднялась пара холмов-близнецов, покрытых гравием и кирпичной глиной. Эти холмы высотой в сорок – пятьдесят футов были разделены долиной, по которой текла речушка. Теперь они известны нам под названиями Корнхилл и Ладгейт-хилл, а речка – это ныне погребенный под землей Уолбрук. Так возник Лондон.

Предполагается, что имя города – кельтского происхождения; с такой гипотезой нелегко примириться тем, кто считает римлян основателями первого поселения на этом месте. Однако значение слова остается предметом споров. Оно может быть производным от Llyndon – город или крепость (don) на озере или реке (Llyn), – но тут пахнет скорее средневековым валлийским, чем кельтским. Возможно, название происходит от Laindon, «долгий холм», или от кельтского lunnd, «болото». Одна из наиболее интересных догадок с учетом склонности лондонцев к насилию, ставшей позднее общеизвестной, – происхождение этого названия от кельтского прилагательного londos, означающего «свирепый».

Существует и более поэтическая гипотеза, гласящая, что город получил свое название в честь короля Луда (Lud), который, согласно легенде, правил здесь во времена римского вторжения. Он проложил улицы города и заново возвел его стены. После смерти короля похоронили рядом с воротами, носившими его имя, и город стал известен как Kaerlud или Kaerlundein, то есть «город Луда». Ученые со скептическим складом ума склонны относиться к таким легендам с недоверием, но сказания тысячелетней давности порой содержат в себе глубокие и важные истины.

Тем не менее происхождение имени города остается тайной. (Любопытно, между прочим, что название полезного ископаемого, теснее всего связанного с этим городом, – уголь (coal) – тоже имеет неясные корни.) Это слово с его силлабической мощью, подобно раскату грома, прокатилось по всей английской истории в десятках вариантов – Caer Ludd, Lundunes,

Lindonion, Lundene, Lundone, Ludenberk, Longidinium и так далее. Выдвигались даже предположения, что это имя древнее самих кельтов и родилось в далеком неолитическом прошлом.

Не обязательно считать, что человеческие поселения или укрепления стояли именно на Ладгейт-хилле и Корнхилле, а там, где теперь проложены широкие авеню, тянулись деревянные настилы, но преимущества этого места, пожалуй, были столь же очевидны в третьем или четвертом тысячелетии до нашей эры, сколь ясны они стали позднее кельтам и римлянам. Холмы представляли собой хорошо защищенную естественную возвышенность, окаймленную рекой с юга, болотами с севера, непроходимыми топиями с востока и другой рекой, позже названной Флитом, с запада. Здесь была плодородная почва, обильно орошаемая ручьями, пробивающимися сквозь гравий. Темза в этом районе была вполне судоходна, а устья Флита и Уолбрука образовывали естественные гавани. Древние английские дороги тоже проходили поблизости. Таким образом, с самых ранних пор Лондон был удобным местом для организации торговли, рынков и обмена. На протяжении большей части своей истории лондонский Сити оставался центром мировой коммерческой деятельности; пожалуй, не мешает иметь в виду, что здесь могли совершаться сделки еще в каменном веке.

Все это догадки, хотя и не совсем беспочвенные; более же весомые свидетельства были обнаружены в позднейших грунтовых наслоениях. За долгие периоды, именуемые поздним бронзовым веком и ранним железным веком и охватывающие почти целое тысячелетие, осколки и фрагменты чашек, горшков и орудий труда усеяли всю территорию Лондона. Признаки доисторической деятельности открыты в местах, которые называются теперь Сент-Мэри-Экс и Грешем-стрит, Остин-фрайарс и Финсбери-серкус, Бишопсгейт и Ситинг-лейн, – всего около 250 находок, сосредоточенных в районе двух главных холмов, а также соседних с ними Тауэр-хилла и Саутуорка. Из самой Темзы были извлечены сотни металлических предметов, а на ее берегах обнаружены многочисленные следы металлургического производства. В эту эпоху родились великие сказания о Лондоне. Кроме того, последняя ее фаза – век кельтов.

В I веке до н. э. Юлий Цезарь дал описание окрестностей Лондона, говорящее о наличии в этих краях богатой, развитой и высокоорганизованной племенной цивилизации. Здешнее население было «весьма многочисленным», и по всей округе «теснились человеческие жилища». Значение и роль холмов-близнецов в этот период не могут быть установлены с определенностью; возможно, они считались священными, а может быть, благодаря своему выгодному положению несли на себе укрепления, защищающие торговые площади вдоль реки. Есть все основания считать, что этот участок Темзы был центром торговли и производства: здесь продавались как железные орудия, так и изысканные бронзовые изделия, и купцы из Галлии, Рима и Испании везли сюда самосскую глиняную посуду, вино и пряности в обмен на зерно, металл и рабов.

В истории этого периода, описанной Гальфридом Монмутским (он завершил свою работу в 1136 году), Лондон, бесспорно, играет роль главного города на всем острове Британия. Но, согласно мнению современных ученых, труд Гальфрида опирается на утраченные тексты, апокрифические измышления и необоснованные выдумки. К примеру, в людях, которых Гальфрид называет королями, наши современники предпочитают видеть племенных вождей; он датирует события с помощью библейских параллелей, а они пользуются определениями вроде «позднего железного века»; он считает конфликты и социальные перемены результатом действия человеческих страстей, тогда как авторы новейших отчетов о доисторических временах полагаются на более абстрактные принципы торговли и технического развития. Возможно, эти подходы и противоречат друг другу, но они вряд ли так уж несовместимы. Например, историки ранней Британии считают, что на территориях к северу от района Лондона осело некое племя триновантов. Гальфрид же, что весьма любопытно, утверждает, что вначале город назывался Trinovantum. Он также упоминает о храмах в самом Лондоне, однако даже если они и существовали, эти частоколы и деревянные сооружения давно уже погребены не только под камнями римского города, но и под кирпичом и цементом более поздних эпох.

Впрочем, ничто не уходит бесследно. В первые четыре десятилетия XX века исследователи доисторических времен приложили особенно много усилий к тому, чтобы побольше узнать о скрытом прошлом нашей столицы. В таких книгах, как «Утраченный язык Лондона», «Легендарный Лондон», «Доисторический Лондон» и «Ранние обитатели Лондона», были тщательно изучены и по достоинству оценены следы, оставшиеся от Лондона эпохи кельтов и друидов. Эти исследования практически оборвались с началом Второй мировой войны, а после нее проблемы городского планирования и восстановления стали важнее размышлений о далеком городском прошлом. Но плоды проведенной работы уцелели и заслуживают пристального внимания. Тот факт, что нынешние названия некоторых улиц выдают свое кельтское происхождение – таковы, например, Колин-Дип-лейн, Панкрас-лейн, Мейден-лейн, Ингол-роуд, – пожалуй, не менее красноречив, чем любая из материальных находок, обнаруженных на раскопках древнего города. Давно забытые дороги определили направление современных магистралей; например, перекресток в излингтонском Эйнджеле находится на месте пересечения двух доисторических британских дорог. Олд-стрит, ведущая к Олд-форду, Мейден-лейн, которая идет в Хайгейт через Пентонвилл и Баттл-бридж, дорога от Аппер-стрит в Хайбери, – все они повторяют древние маршруты и тракты, похороненные под толщей земли.

Однако самой сложной и запутанной из тем, имеющих отношение к этому периоду, остается друидизм. То, что он занимал важное место в жизни кельтов, не подлежит сомнению; Юлий Цезарь, чье мнение по этому вопросу может считаться достаточно авторитетным, утверждал, что религия друидов была основана (*inventata*) в Британии и что ее кельтские приверженцы отправлялись на этот остров, дабы приобщиться к ее тайнам. Друидизм представлял собой высокоразвитую, хотя и довольно замкнутую религиозную культуру. Конечно, мы можем предположить, что в дубовых лесах к северу от холмов-близнецов было удобно совершать обряды и жертвоприношения; один из историков древности, сэр Лоренс Гомм, считает даже, что храм или святилище друидов находилось на самом Ладгейт-хилле. Но тут много ложных следов. Некогда все сходились на том, что местом религиозных собраний был Парламент-хилл близ Хайгейта, но в действительности найденные там свидетельства не относятся к доисторическим временам. Чизлхерстские пещеры на юге Лондона, якобы выкопанные друидами для проведения астрономических наблюдений, почти наверняка имеют средневековое происхождение.

Выдвигалась гипотеза, что район Лондона контролировался с трех священных курганов под названиями Пентон-хилл, Тотхилл и Уайт-маунд, иначе Тауэр-хилл. Всякую теорию такого рода легко отместить как несерьезную, однако существуют любопытные параллели и совпадения, делающие данную гипотезу более интересной, нежели обычные фантазии современных психогеографов.

Известно, что в доисторическую эпоху на священном месте должны были находиться источник, роща и колодец (или ритуальная шахта).

Есть упоминания о «кустарниковом лабиринте» в парке Уайт-Кондит-хауса, расположенном на пентонвилльской возвышенности, а священный холм или роща как раз и являются вариантами лабиринта. Неподалеку находится знаменитый колодец Садлера. В недавние дни вода из этого колодца подмывала оркестровую яму театра «Садлерс-уэллс», но во времена Средневековья она считалась священной: тогда колодец опекали церковники из Кларкенуэлла. На пентонвилльской возвышенности тоже когда-то был водный резервуар; до недавних пор там располагался Лондонский совет по делам водного хозяйства.

Еще один лабиринт находился в Вестминстере, в местечке, некогда называвшемся Тотхилл-филдс; он изображен на панораме, выполненной Холларом в середине XVII века. Здесь также имеется священный ручей, берущий исток в «святом колодце» вестминстерского Динс-ярда. На этом месте очень давно появилась ярмарка, подобная парку на Уайт-Кондит-филдс; первое сохранившееся упоминание о ней относится к 1257 году.

Таким образом, перечисленные места схожи друг с другом. Существуют и другие красноречивые совпадения. На старых картах близ Тотхилл-филдс часто изображается так называемый Сент-Хермит-хилл, то есть «Холм отшельника». У начала Пентонвилл-роуд и по сей день есть улица Гермес-стрит. Возможно, стоит также отметить, что в одном из домов на этом месте жил врач, торговавший лекарством под названием «бальзам жизни»; позднее этот дом был превращен в обсерваторию.

На Тауэр-хилле был родник с чистой пенящейся водой, якобы обладавшей целебными свойствами. Здесь остался средневековый колодец и были обнаружены следы захоронения, относящегося к позднему железному веку. Лабиринта нет, но и с этим местом связаны кое-какие кельтские легенды; если верить «Валлийским триадам», голова Брана Благословенного, героя кельтской мифологии, была погребена внутри Уайт-хилла, чтобы защитить королевство от его врагов. Мифический основатель Лондона Брут тоже был якобы похоронен на Тауэр-хилле, в священной земле, откуда вплоть до XVII столетия проводились наблюдения над небесными светилами.

Этимология названий Пентон-хилла и Тотхилла довольно ясна. *Pen* по-кельтски означает «голова» или «холм», а *ton* – вариант слова *tor/tot/twt/too*, означающего «источник» или «взгорок» (Уиклиф, например, употребляет слова *tot* или *tote*, когда ведет речь о горе Сион). Люди с более романтическим складом ума полагают, что *tot* происходит от имени египетского бога Тота, воплотившегося затем в Гермесе – греческой персонификации ветра или звучания лиры.

Итак, гипотеза формулируется следующим образом: лондонские холмы, имеющие столь много общих черт, суть бывшие точки расположения друидских святилищ. Кустарник – священный эквивалент дубовой рощи, в то время как колодцы и источники говорят о поклонении богу воды. Получается, что Лондонский совет по делам водного хозяйства был расположен весьма удачно. Парки развлечений и ярмарки – это современное эхо доисторических празднеств и сборищ, которые происходили на той же земле. Таким образом, знатоки древности возвели Тотхилл, Пентон-хилл и Тауэр-хилл в ранг священных мест Лондона.

Конечно, общепризнано, что Пентонвилл получил свое название в честь Генри Пентона – дельца XVIII века, отстроившего этот район. Может ли одно место быть, по сути, двуликим, существовать в разных временах и в разных представлениях о реальности? Возможно ли, что истинны обе версии происхождения слова «Пентонвилл»? В честь кого назван Биллингсгейт – в память кельтского короля Белинуса (он же Белин), как полагает великий ученый XVI века Джон Стоу, или по имени господина Белинга, который некогда владел этой землей? Действительно ли Ладгейт носит имя Луда, кельтского бога воды? Тут и впрямь есть над чем поразмыслить.

Столь же важно искать свидетельства преемственности. Вполне вероятно, что бритты поклонялись каким-то своим божествам задолго до того, как друиды стали верховными жрецами в их культуре, а кельтские формы ритуала, похоже, в свою очередь пережили и римскую оккупацию, и последующие вторжения саксов. В записях собора Св. Павла примыкающие постройки именуются «*Camera Dianae*», то есть «Грот Дианы». Летописец XV столетия вспоминает времена, когда «Лондон поклонялся Диане», богине охоты, что может служить по крайней мере одним из объяснений странной ежегодной церемонии, проходившей в соборе вплоть до XVI столетия. Там, в христианском храме, воздвигнутом на священной земле Ладгейт-хилла, водружали на кол голову оленя и носили ее по всей церкви, а потом на ступенях перед входом отдавали ее священникам в цветочных венках. Так лондонские языческие обряды уцелели до исторических времен – подобно тому как скрытое язычество сохранилось в душах самих лондонцев.

Можно упомянуть и еще об одной унаследованной нами черте первобытной религиозности. Древние представления о загадочной «силе» или священной ауре некоторых мест были переняты христианами: так появились их «святые колодцы» и характерные ритуалы вроде

«обивания границ». Однако те же мотивы мы находим в сочинениях великих лондонских визионеров, от Уильяма Блейка до Артура Макена, – сочинениях, в которых сам город выступает в роли священного места с его собственными радостными и печальными тайнами.

Именно в этот кельтский период, маячащий подобно химере на рубежах известного нам мира, уходят своими корнями великие легенды о Лондоне. Исторические записки сообщают лишь о племенных войнах, которые велись в пору существования высокоорганизованной и даже утонченной культуры. Иными словами, тогдашние туземцы отнюдь не были дикарями, и греческий географ Страбон описывает одного посла бриттов как хорошо одетого, умного и приятного человека. Он так свободно говорил по-гречески, что «можно было подумать, будто он вырос в лицее». Это подходящий фон для историй, в которых Лондону приписывается статус главного города страны. Легендарный основатель Лондона Брут был погребен в его стенах. Локрин держал свою возлюбленную, Эстрильдис, в потайной камерке под землей. Бладуд, занимавшийся колдовством, смастерил крылья, чтобы летать над Лондоном, однако упал на крышу храма Аполлона, расположенного в самом центре города – возможно, на самом Ладгейт-хилле. Другого короля, Дунвалло (он сформулировал древние законы святилища), похоронили у подножия лондонского храма. К тому же периоду относятся истории о Лире и Цимбелине – мифических королях Британии, героях одноименных шекспировских пьес. Еще красочнее легенда о великане Гремаготе, который посредством какого-то хитрого волшебства был превращен в близнецов Гога и Магога, ставших духами-хранителями Лондона. Часто выдвигалась гипотеза о том, что каждый из этих свирепых братьев, чьи статуи много веков стояли в Гилдхолле, здании ратуши лондонского Сити, охранял по одному из лондонских холмов-близнецов.

Эти легенды изложены Джоном Мильтоном в его «Истории Британии», опубликованной чуть более трех сотен лет назад. «После сего Брут выстроил в избранном месте Troia nova, Новую Трою, со временем обратившуюся в Trinovantum, ныне Лондон, и начал вводить законы; а первосвященником в Иудее был тогда Хели; и правил Брут всем Островом двадцать четыре года, и почил, и был погребен в сей новой Трое». Брут был правнуком Энея, спустя несколько лет после падения Трои возглавившего исход троянцев из Греции; в пору его скитаний в изгнании ему приснился сон, в котором богиня Диана обратилась к нему с пророчеством: остров далеко на западе, за пределами страны Галлии, «обетован твоему народу; ты должен плыть туда, Брут, и основать город, который станет второй Троей». «И среди потомков твоих будут короли, что повергнут в трепет весь мир и покорят иные могущественные народы». Лондону суждено стать центром мировой империи, но, как и Троя, он пострадает от ужасного пожара. Любопытно, что на изображениях Великого лондонского пожара 1666 года проводится подчеркнутая параллель с падением Трои. Это и впрямь главный миф о происхождении Лондона, который можно найти в стихах «Таллизена», относящихся к VI веку и восхваляющих британцев как уцелевших потомков обитателей Трои, а также в сочинениях Эдмунда Спенсера и Александра Поупа. Поупу, родившемуся на Плау-корт близ Ломбард-стрит, представлялась в видениях фантастическая городская цивилизация; однако такой облик прекрасно подходит городу, о котором Бруту было впервые поведано во сне.

Серьезные ученые отвергали историю о Бруте, считая ее просто сказкой, однако, как справедливо написал Милтон во введении к своей собственной истории, «многажды случилось так, что в повествованиях, доселе считавшихся измышленными, обнаруживались следы и крупницы некоей истины». Некоторые исследователи полагают, что мы можем датировать скитания якобы мифического Брута периодом около 1100 года до н. э. В терминах современной историографии это соответствует позднему бронзовому веку, когда в окрестностях Лондона поселились новые племена; они строили большие укрепления и вели героическую жизнь, полную пиров, состязаний и жестоких битв, которая получила отражение в позднейших легендах. В Англии были найдены осколки стеклянных бус, похожих на троянские. Из Темзы выловили

черный кубок с двумя ручками; он был изготовлен в Малой Азии приблизительно в 900 году до н. э. Так что имеются некоторые признаки, говорящие о том, что Западная Европа вела тогда торговлю с Восточным Средиземноморьем, и есть все основания предполагать, что фригийские, а позже финикийские купцы достигали берегов Альбиона и появлялись на рынках Лондона.

Материальные свидетельства связи с самой Троей и той областью Малой Азии, где находился этот обреченный древний город, можно отыскать и в других местах. Диоген Лаэртский отождествлял кельтов с ассирийскими халдеями; и действительно, знаменитые британские эмблемы со львом и единорогом могут иметь халдейское происхождение. Цезарь с некоторым удивлением отметил, что друиды пользуются греческими буквами. В «Валлийских триадах» есть описание племени, перебравшегося на берега Альбиона, или Англии, откуда-то из окрестностей Константинополя. Наводит на размышления и то, что франки и галлы также считали троянцев своими предками. Хотя и не исключено, что какое-то племя мигрировало из района павшей Трои в Западную Европу, представляется более вероятным, что кельты ведут свое происхождение от обитателей Восточного Средиземноморья. Поэтому легенда о Лондоне как новой Трое и по сию пору имеет своих приверженцев.

История всякой цивилизации начинается с мифов и преданий, и лишь со временем удастся определить степень их достоверности.

Одно яркое вещественное напоминание о Бруте и его троянском флоте, возможно, еще существует. Если вы пройдете на восток по Каннон-стрит, то увидите напротив железнодорожной станции, в стене Китайского банка, металлическую решетку. Она защищает нишу, в которой стоит камень примерно двух футов в высоту с едва заметным желобком у верхушки. Это Лондонский камень. Много веков в народе верили, что Брут привез его с собой как талисман. «Покуда цел камень Брута, будет процветать и Лондон», – гласила одна лондонская пословица. Безусловно, этот камень очень древний; первое упоминание о нем было обнаружено Джоном Стоу в «благоначертанном Евангелии», некогда принадлежавшем королю Этельстану, правителю западных саксов начала X века: отдельные земли и владения охарактеризованы там как «лежащие поблизости от Лондонского камня». Согласно «Викторианской истории графств», прежде он стоял в самом центре старого города, но в 1742 году его переместили с середины Каннон-стрит в стену церкви Сент-Суитин. Там он пребывал до Второй мировой войны; хотя немецкий снаряд полностью разрушил церковь в 1941 году, Лондонский камень остался нетронутым. Он состоит из оолита, непрочного минерала, и потому едва ли мог бы сохраниться с доисторических времен, однако высшие силы даровали ему долгую жизнь.

Поэт XV столетия Фабиан в своих стихах воспекает этот божественный камень, столь чистый, что «многих угроз избежал... не пострадал николи». Но его истинное значение по-прежнему не выяснено до конца. Одни историки полагают, что он отмечал место публичных встреч, на которых возвращались долги, тогда как другие видят в нем римский *milliarium*, или дорожную вежу. Однако Кристофер Рен указывал, что для последней цели у камня чересчур массивное основание. Более вероятна его связь с правосудием. Персонаж ныне забытой пьесы 1589 года «Пасквиль и Марфарий» говорит: «Положите этот счет на Лондонский камень. Да будет сие сделано торжественно, под барабаны и фанфары», и еще: «Если им угодно в эти темные зимние вечера прилепить свои бумаги на Лондонский камень». То, что этот камень был глубоко почитаем, не подлежит сомнению. Уильям Блейк верил, что на месте его нахождения совершались друидские обряды и закалываемые жрецами жертвы «испускали на Лондонском камне громкие стоны», но, скорее всего, его роль была менее мрачной.

Когда на Лондон напал знаменитый мятежник Джек Кейд, он и его сторонники отправились к этому камню; Кейд коснулся его своим мечом и воскликнул: «Теперь Мортимер, – так он себя называл, – станет повелителем сего города!» Первым мэром Лондона в конце XII столетия был Генри Фицэйлуин де Лондонстоун, тезка Лондонского камня. Поэтому представ-

ляется вероятным, что этот древний камень стал каким-то образом символизировать силу и власть города.

Теперь, почерневший и забытый, он лежит на обочине оживленного проспекта; мимо него катили деревянные телеги, кареты, портшезы, коляски, кабриолеты, омнибусы, кебы, велосипеды, трамваи и автомобили. Когда-то он был талисманом, оберегающим Лондон от несчастий, а может быть, остался им и теперь.

Во всяком случае, это реликвия, связанная с древними легендами о Лондоне и о его основании. Для кельтских народностей в подобных сказаниях воплощалась слава города, когда-то известного как волшебная страна Кокейн. В этой заповедной, изобильной земле странник мог найти сокровища и обрести счастье. Этот миф стал почвой для позднейших легенд (например, о Дике Уиттингтоне) и тех неведомо кем сочиненных присказок, в которых лондонские улицы описываются как «вымощенные золотом». Однако лондонское золото оказалось менее долговечным, чем Лондонский камень.

Глава 2

Камни

Кусок первоначальной Лондонской стены со средневековыми добавлениями и сейчас можно видеть у Тринити-плейс чуть севернее лондонского Тауэра; часть самого Тауэра была встроена в эту стену, воплотившую собой пожелание Уильяма Данбара: «Да будут каменные те стены, что оградят тебя со всех сторон!» У основания она имела почти десять футов в толщину, а в высоту – более двадцати; помимо этих фрагментов стены, возле Тринити-плейс уцелел каменный контур внутренней башни, в которой находилась деревянная лестница. Она вела на парапет, откуда открывался вид на болота к востоку от города.

С этого места призрачную стену – стену, какой она некогда была, – можно восстановить в воображении. Она тянется на север к Куперсроу, где ее остаток еще торчит во дворе пустого здания – он возвышается над автомобильной стоянкой, устроенной под домом. Стена проходит сквозь бетон и мрамор этого дома, потом дальше, через кирпич и железо виадука на вокзале Фенчерч-стрит, до очередного уцелевшего куска на Америка-сквер. Он прячется в подвале современного здания, которое и само украшено парапетами, башенками и квадратными башнями; полоса блестящей красной плитки весьма живо напоминает плоскую красную черепицу, которой было покрыто римское сооружение. Тут стена ненадолго обретает имя «Кроссуолл» и проходит сквозь центральный офис фирмы под названием «Эквитас». Потом она идет через Вайн-стрит (на автомобильной стоянке под номером 35, прямо на линии ныне невидимой стены, установлена камера наблюдения) к Джури-стрит, которая почти точно следует курсу бывшей стены, пока не упирается в Олдгейт; можно сказать, что все здешние здания как бы представляют собой новую стену, отделяющую восток от запада. Здесь мы находим Сентурион-хаус и аптеку «Бутс».

Ступени подземного перехода у станции метро «Олдгейт» ведут вниз, на уровень Лондона эпохи позднего Средневековья, но мы следуем за стеной по Дьюкс-плейс до самой Бивис-маркс; рядом с пересечением двух этих магистралей располагается теперь часть того «стального кольца», которое сменило прежние городские укрепления. На карте XVI века Бивис-маркс идет практически вдоль стены, да так оно и осталось: планировка улиц в этом районе не менялась в течение многих сотен лет. Уцелели даже переулки, такие как Хенидж-лейн. На углу Бивис-маркс и Сент-Мэри-Экс высится беломраморное здание с большими окнами; над его входом красуется надменный золотой орел, напоминающий королевский штандарт. И вновь камеры наблюдения отмечают путь стены по Камомайл-стрит, в сторону Бишопсгейт и Уормвуд-стрит.

Она исчезает под двором церкви Сент-Ботольф, за домом, облицованным белым камнем и темным стеклом, но потом ее фрагменты выныривают у церкви Олхаллоуз-он-де-уолл, построенной, по древнему обычаю, с целью освятить городские укрепления. Здесь современная магистраль наконец получает название «Лондонская стена» – Лондон-уолл. Над номером 85 по Лондон-уолл, совсем рядом с местом, где недавно обнаружили бастион IV века, возвышается похожая на средневековую башенка из песчаника, но на пути бывшей стены от Бломфилд-стрит до улицы Мургейт стоят в основном дома конца XIX века, занятые различными учреждениями. Когда-то с северной стороны Лондонской стены находилась Вифлеемская лечебница, или Бедлам, но теперь исчезла и она. Однако невозможно не чувствовать присутствие или силу этой стены, когда идешь по спрямленной дороге, впервые проложенной в поздний период римского владычества. Затем, после Мургейта, появляется новая Лондонская стена, выстроенная на развалинах Второй мировой войны. Бомбежки вскрыли множество давно погребенных под землей остатков древней стены, и здесь до сих пор можно видеть ее поросшие мхом и травой обломки как римского, так и средневекового происхождения. Но бок

о бок с этими старинными камнями выросли сверкающие мрамором и полированным камнем новые здания, которых теперь так много в городе.

Там, где раньше был большой римский форт – у северо-западного угла стены, – теперь маячат эти новые крепости и башни: Роман-хаус, Британник-тауэр, Сити-тауэр, Олбан-гейт (которую, лишь слегка изменив название, можно было бы переименовать в Альбионгейт, то есть «Врата Альбиона»), а также бетонные и гранитные башни Барбикана, снова придавшие этому месту, где когда-то стояли лагерем римские легионы, облик суровый и безжалостный. Даже широкие тротуары в этом просторном районе находятся примерно на той же высоте, на какой прежде тянулись парапеты городской стены.

Затем стена поворачивает на юг, и ее длинные куски до сих пор можно видеть на участке местности, понемногу спускающемся к Олдерсгейту. На протяжении большей части отрезка от Олдерсгейта до Ньюгейта и далее, до Ладгейта, она остается невидимой, однако ее путь можно проследить по некоторым ориентирам. Чуть севернее бывшей стены, в Постманс-парке, находится статуя знаменитого античного чудовища Минотавра. Потемневшие, покрытые выбоинами стены Сешнс-хауса рядом с Олд-Бейли отмечают положение внешнего периметра древних укреплений, а более поздняя, выходящая на задворки Олд-Бейли стена Амен-корт – все те же кирпич и известка – похожа на мираж, вынырнувший из глубин прошлого. Потом мы пересекаем Ладгейт-хилл с конца Сент-Мартинс-Ладгейт, выходим на Пилгрим-стрит, минуем с тыла Паджентмастеркорт – теперь линия «Сити-Темз-линк» повторяет путь быстро бежавшей здесь когда-то речушки Флит – и упираемся в Темзу, где стена когда-то резко обрывалась.

Лондонская стена огораживала площадь приблизительно в 330 акров. Путешествие по всему ее периметру заняло бы около часа, и современный пешеход одолеет этот маршрут примерно за такое же время. Идущие вдоль стены улицы по-прежнему годятся для передвижения, да и большая часть самой стены существовала вплоть до 1760 года. До тех пор город имел вид крепости, и в исландских сагах он называется *Lundunaborg*, то есть «форт Лондон». Стена постоянно ремонтировалась, словно сила и жизнестойкость самого города зависели от того, сохранится ли эта древняя каменная кладка; рядом с ней возводились церкви, и отшельники сторожили ее ворота. Люди с более мирскими интересами пристраивали к ней дома и деревянные хижины, так что повсюду можно было видеть (а порой и обонять) характерное сочетание гнилого дерева и покрытых плесенью камней. Более современный эквивалент этой комбинации – кирпичные арки железных дорог XIX века, под которыми ютились магазинчики и гаражи.

Даже разрушенная, стена продолжала жить: ее каменные бока составляли одно целое со стенами некоторых церквей и других общественных зданий. Один кусок стены, на Куперс-роу, стал частью подземного таможенного склада для товаров, не оплаченных пошлиной, и фундаментом для новых домов. Например, полукруглый дом близ Америка-сквер, спроектированный Джорджем Дансом-младшим в 1770-х и построенный в конце XVIII века, покоится на секции древней стены. Так более молодые дома танцуют на развалинах старого города. Фрагменты стены и связанные с ней предметы постоянно обнаруживались заново на протяжении XIX и XX веков, когда последовательные стадии ее существования впервые объединились перед взором исследователей в нечто целое. Например, в 1989 году на восточной ее стороне были найдены восемь человеческих скелетов конца римского периода, ориентированные в разных направлениях; откопали также скелеты нескольких собак. Этот район носит название Хаундсдич, то есть «Собачья канава».

Многие считают, что римский Лондон возник одновременно с Лондонской стеной, но захватчики правили городом еще за 150 лет до возведения стены, и в течение этого долгого промежутка город пережил несколько бурных, а то и кровавых этапов своего развития. Войска под командованием Юлия Цезаря вторглись на британские земли в 55 году до н. э. и очень

скоро заставили обитающие в окрестностях Лондона племена признать римское владычество. Почти сто лет спустя римляне вернулись с более продуманным планом захвата и порабощения. Возможно, их отряды пересекли реку в Вестминстере, или Саутуорке, или Уоллингфорде; их временные лагеря могли быть разбиты в Мейфэре или в районе площади Элефант-энд-Касл. Для нашего рассказа важно лишь то, что в конце концов их командиры и хозяйственники выбрали Лондон в качестве главной базы из-за стратегических преимуществ местности и полезной в коммерческом отношении близости реки. Было ли здесь прежде другое поселение, чьи обитатели убежали от римлян по деревянным гатям в болота и леса, неизвестно. Но в любом случае представляется вероятным, что захватчики очень быстро оценили выгоды этого места. Берега здешнего эстуария омывались продолжительным приливом. Так здесь, на юге Британии, возник центр морской торговли, к которому сходилась по суше целая сеть дорог, просуществовавших почти две тысячи лет.

Примерная планировка этого первого города с двумя главными улицами из гравия, идущими параллельно реке по восточному холму, была определена в результате раскопок. Одна из главных улиц шла по берегу Темзы – ее путь примерно повторяют нынешние Каннон-стрит и Истчип, – вторая же, проложенная ярдов на сто севернее, соответствует восточному участку Ломбард-стрит на подходе к Фенчерч-стрит. Вот подлинные истоки современного города.

Кроме того, был мост. Деревянный римский мост находился приблизительно на сто ярдов восточнее первого каменного Лондонского моста и соединял точку, расположенную западнее церкви Сент-Олаф в Саутуорке, с началом Редерес-лейн (или Пудинг-лейн) на северном берегу; точную дату его постройки теперь определить нельзя, но, по-видимому, это было грандиозное и даже фантастическое на вид сооружение, тем более казавшееся таковым местным племенам, поработанным римлянами. Половина лондонских легенд связана с его возведением; на новой деревянной переправе творились чудеса и случались мистические прозрения. Поскольку мост построили исключительно ради того, чтобы укротить реку, он как бы поставил под сомнение могущество речного божества. Видимо, божество это пришло в ярость из-за покушения на свое полновластие; отсюда все обертоны мести и разрушения, звучащие в знаменитой песенке «Рухнул Лондонский мост, рухнул Лондонский мост...».

Неясно, был ли Londinium изначально римским военным лагерем, но нет сомнений в том, что он быстро превратился в центр снабжения. Можно представить себе множество маленьких домиков с глиняными стенами, соломенными крышами и земляным полом, ряд переулочков, соединяющих две основные улицы, наполненных запахами и шумами оживленного поселения. Здесь были кабачки, мастерские, лавки и кузницы – все в одной куче, тогда как на берегу реки склады и мастерские теснились вокруг квадратной бревенчатой пристани. Свидетельства существования этой пристани были найдены в Биллингсгейте. На основных улицах, по которым проходил каждый приезжий, стояли трактиры и торговые заведения. Сразу за городской чертой были круглые хижины старинного британского типа, отведенные под склады, а по периметру город окружали деревянные загоны для скота.

Прошло совсем немного лет от основания города (которое может быть датировано примерно 43–50 годами н. э.), а римский историк Тацит уже писал о нем как о кишашем людьми, которых он называет «negotiatores», и процветающем в коммерческом отношении. Таким образом, меньше чем за одно десятилетие Лондон превратился из простого центра снабжения в развитый город.

Negotiatores – это не обязательно купцы, но люди, занятые тем, что именовалось словом *negotium*, то есть коммерческой деятельностью и торговлей. Их можно назвать торговцами и дельцами. Таким образом, в этой сфере вырисовывается известная преемственность – можно даже сказать, линия неуклонного прогресса. В сверкающих зданиях, которые возвышаются ныне на месте бывшей Лондонской стены, сидят маклеры и торговцы, являющиеся (в прямом и переносном смысле) потомками тех, кто обосновался в Лондоне в I веке н. э. В лондонском

Сити всегда властвовали императивы денег и купли-продажи. Вот почему именно здесь стоял дом прокуратора – высшего римского чиновника, ведавшего финансами провинции.

Итак, основа Лондона – сила. Здесь всегда казнили и угнетали, а бедных всегда было больше, чем богатых. Много раз город навлекал на себя ужасную кару и в нем бушевали пламя и мор. Уже через какой-нибудь десяток лет после его основания первый великий пожар полностью уничтожил все лондонские постройки. В 60 году н. э. королева древнебританского племени иценов Боудикка с ее свирепыми воинами опустошила город огнем и мечом, мстя тем, кто пытался продавать в рабство иценских женщин и детей. Тогда город впервые продемонстрировал свою ненасытную тягу к истреблению человеческих жизней. Свидетельства бойни, учиненной Боудиккой, – красные следы окиси железа в слое жженой глины, дерева и золы. Цвет Лондона – красный, это цвет пламени и разрушения.

Было по меньшей мере еще одно нападение местных племен на римский город – оно произошло в конце III века, но к той поре городские укрепления стали уже достаточно надежными. Сразу же после набега Боудикки начались работы по восстановлению города. Если вы выйдете на большой перекресток в Сити, где Грейсчерч-стрит отделяет Ломбард-стрит от Фенчерч-стрит, то окажетесь лицом к лицу с главным входом римского форума с лавками и мастерскими по обе стороны от него. Новый форум был выстроен из кентского песчаника, привезенного на лодках по Медуэю, и со своими оштукатуренными стенами и красной черепичной крышей представлял собой как бы кусочек Рима на чужой земле.

Однако это не единственный сохранившийся след влияния римской цивилизации. Офис главного кассира в здании Английского банка, построенном в XVIII веке, является подобием римского храма и очень похож на базилику, находившуюся слева от древнего форума. В течение долгих столетий Лондон превозносили или проклинали, называя его новым Римом, – имелись в виду, соответственно, его могущество или развращенность, – и можно с уверенностью сказать, что основатели города наложили непреходящую печать на его облик.

Лондон начал расти и процветать. В конце I века н. э. на месте прежних форума и базилики были воздвигнуты более внушительные здания; одна только базилика превосходила по размерам собор Св. Павла, выстроенный Реном в XVII веке на Ладгейт-хилле. На северо-западе – там, где теперь находится Барбикан, – возвели большой форт. В городе были общественные бани и храмы, лавки и торговые ряды; на месте нынешнего Гилдхолла был амфитеатр, а чуть южнее собора Св. Павла – стадион для скачек: по странному стечению обстоятельств проходящая там улица вот уже почти две тысячи лет сохраняет свое название – Найтрайдер-стрит, то есть «улица Всадника».

Другие улицы утратили первоначальные названия, но сохранили прежнее направление. На углу Айронмонгер-лейн и Прудент-пассидж были обнаружены следы идущей с востока на запад римской дороги и строений вдоль нее – по крайней мере семи зданий, стоявших в ряд и, очевидно, имевших одно и то же промышленное назначение. После уничтожившего их очередного пожара и последовавшего за ним промежутка лет в пятьсот, то есть уже в начале IX века, на их месте у старой римской дороги возвели новые здания. В XII веке, когда в исторических записках впервые появляется название «Айронмонгер-лейн», дома по-прежнему стояли на северной обочине улицы, проложенной более тысячи лет тому назад. Этими же домами пользовались вплоть до XVII века – возможно, город не знал более долговечных построек.

Многие улицы этого района – например, Милк-стрит, Вуд-стрит и Олдерменбери – представляют собой уцелевшие следы римской планировки. Любопытно и то, что крупные лондонские рынки на Чипсайде и Истчипе до недавних пор находились там, где когда-то проложили свои дороги первые римские захватчики. За пятьдесят лет, к концу I века н. э., цель основателей Лондона была достигнута. Он стал не только торговым центром страны, но и ее административной и политической столицей. В этом центре международных связей и коммерции действовали имперские законы о торговле, браке и обороне – законы, пережившие самих римлян.

Во всех существенных отношениях это был город-государство со своим собственным независимым правительством, хотя и состоящий в прямых отношениях с Римом; эта независимость, или автономия, не раз найдет отражение в его последующей истории.

В самый бурный период его развития, в конце I века н. э. в городе, по-видимому, насчитывалось около тридцати тысяч жителей. Это были солдаты, купцы и предприниматели, ремесленники и художники, кельты и римляне – словом, очень пестрое общество. Богатые купцы и чиновники строили себе роскошные дома, но жильем среднего лондонца была небольшая комнатка – спальня и она же гостиная, с мозаикой или росписью по стенам. Иногда мы даже слышим разговоры этих людей.

Как и следовало ожидать, уцелели некоторые письма, касающиеся финансовых вопросов и торговли, но попадаются и менее официальные сообщения. «Прим сделал десять плиток. Довольно!» «Последние две недели Аусталис что ни вечер гулял сам по себе... Срам!» «Лондон, близ храма Исиды...» «Сию плитку расписал Клементин». Это самые древние из дошедших до нас слов лондонцев, нацарапанные на осколках плитки и глиняной посуды, которые чудом сохранились среди гор мусора, вываленного на городскую землю за много столетий. Были обнаружены и более благочестивые надписи с поминаниями усопших и воззваниями к богам. Кроме того, были найдены печати для «рекламок» оптических дел мастера, предлагающих средства от слезливости глаз, воспалений и слабого зрения.

Мы можем увидеть прошлое яснее, если попытаемся реконструировать его по разрозненным остаткам. Огромная кисть бронзовой руки, длиной тринадцать дюймов, была найдена под Темз-стрит, а голова императора Адриана, тоже больше натуральной величины, – в водах самой Темзы, поэтому можно догадаться, что город украшали огромные статуи. Обнаружены фрагменты триумфальной арки с каменными фресками, изображающими богов и богинь; итак, Лондон – город храмов и монументальной архитектуры. Были в нем и общественные купальни, одна из которых находилась довольно далеко от Сити, на Норт-Одли-стрит. Когда рабочие в конце XIX века наткнулись на нее в подземном сводчатом помещении, она была еще наполовину залита водой. Памятные статуи и кинжалы, священные урны и серебряные слитки, мечи, монеты и алтари – все это выражает дух города, в котором торговля и насилие были неотделимы от искренней религиозности. Но красноречивыми бывают и более мелкие детали. На дне речки Уолбрук нашли более сотни перьев: здесь бесчисленные служащие попросту выбрасывали из окон использованные стило. Это образ жизненной суеты, вполне подходящий к любому периоду лондонской истории.

Однако несокрушимость и преуспеяние Лондона в этот период не столь уж бесспорны. Как одушевленное существо, Лондон рос и распространял вокруг свое влияние, но он также переживал времена утомления и расслабленности, когда гений этого места прятал голову. Признаки подобного спада мы можем найти на тех же восточных берегах Уолбрука, где имперские чиновники швыряли в воду свои перья. Здесь в 1954 году были обнаружены остатки храма, посвященного Митре, а впоследствии и другим языческим богам. Римским лондонцам было не чуждо разнообразие верований; например, есть надежные свидетельства того, что религиозные воззрения древних кельтских племен вошли составной частью в оригинальную римско-кельтскую форму религиозного поклонения. Но мистический культ Митры с его обрядами инициации и тайными ритуалами для избранных предполагает, по крайней мере теоретически, что порой в души граждан закрадывались смятение и неуверенность.

Самый плодотворный период развития римского Лондона охватывает годы I и II столетий нашей эры, но за ним следует неоднозначная эпоха чередования прогресса и упадка. Отчасти этот упадок связан с двумя великими бичами Лондона, огнем и чумой, но происходила и постепенная деградация имперской власти по мере ослабления и упадка самой империи. Приблизительно в 200 году н. э., лет за пятьдесят до возведения храма Митры, вокруг Лондона была выстроена огромная стена. Она говорит о смутных временах, но сам факт ее постройки сви-

детельствует о том, что город по-прежнему располагал гигантскими собственными ресурсами. Большие области внутри стены оставались незанятыми или были отведены под пастбища, но в более фешенебельном районе близ реки стояли прекрасные дома и храмы. Первый лондонский монетный двор был создан в III веке – еще одно проявление истинной природы города. В том же веке была возведена стена вдоль реки, замкнувшая кольцо городской обороны.

Кем же были и чем занимались сами горожане в последние десятилетия жизни римского Лондона? В основном они были римско-британского происхождения, и порой ими правили британские «короли». Но население Лондона с самого своего возникновения было смешанным, и на улицах города можно было встретить представителей разных национальностей, включая выходцев из туземных кельтских племен, которые за три столетия приспособились к новому порядку. Этот римский город просуществовал столько же лет, сколько минуло с эпохи последних Тюдоров до нынешнего дня, но у нас от него остались лишь молчаливые и разрозненные свидетельства – чашки и игральные кости, банные скребки и колокольца, таблички для письма и жернова, брошки и сандалии. Как заставить эти вещи заговорить?

Конечно, на протяжении долгой истории города бывали периоды войн и смуты. О многом мы не имеем сведений, но один-два красноречивых эпизода до нас дошли. Мрак расступается, и перед глазами на миг встает та или иная картина, чтобы затем вновь затеряться в таинственном лабиринте исторического процесса, частью коего она является. Римский полководец Аллект приплыл в Британию, чтобы подавить местный мятеж; победив восставших, он обосновался в Лондоне. Кельтский вождь Асклепиодот в свою очередь выступил против имперского победителя; за пределами города произошла кровавая битва, верх в которой взяли кельты. Опасаясь расправы, остатки римских отрядов укрылись за городскими стенами и заперли ворота. Пошли в ход осадные орудия, и в защитных укреплениях была проделана брешь; кельты хлынули туда, и командир последнего легиона взмолился о пощаде. По взаимному уговору римлянам разрешили отступить к кораблям, но одно племя или часть племени нарушили соглашение; они напали на римских солдат, обезглавили их в соответствии с кельтским ритуалом и, по рассказу Гальфрида Монмутского, бросили головы «в городской ручей... по-саксонски именуемый Галоброк». В 1860-х годах на дне давно ушедшей под землю речки Уолбрук нашли множество черепов. Остальное окутано тайной.

Но по этому единственному эпизоду нельзя заключить, что история Лондона есть история борьбы племен против общего римского врага. Все прочие свидетельства говорят об ином – о смешении народов, поощряемом взаимовыгодной торговлей и обеспечившем почти непрерывное развитие коммерции и административной деятельности. Наверное, к тому времени уже сложился тип лондонского жителя – возможно, с тем особым «землистым» цветом лица, который так часто отмечался в позднейшие годы. Нет сомнений, что лондонцы говорили на вульгарной латыни с примесью местных наречий, и их религиозные верования, должно быть, представляли собой столь же пеструю и своеобразную смесь. Храм Митры – лишь один пример проникновения сюда эзотерической религии, бывшей в основном прибежищем купцов и профессиональных администраторов, но в городе была известна и христианская вера. В 313 году н. э. некий Рестит посетил Арльский собор в качестве епископа Лондонского.

Экономическая деятельность в городе была столь же разнообразна и имела практический характер; коммерческие и военные заведения по-прежнему активно функционировали, но археологические данные свидетельствуют о том, что многие общественные здания были заброшены и многие жилые районы обратились в фермерские угодья. Наличие ферм и виноградников в черте города может показаться странным, но до самых времен царствования Генриха II половина Лондона представляла собой открытую местность с раскинувшимися повсюду полями, садами и огородами. Остались также следы довольно массивных каменных зданий – по-видимому, фермерских домов, – относящиеся к III и IV векам. Похоже, здесь мы сталкиваемся с парадоксом обитания сельских землевладельцев в самом городе. Очевидно, Лондон был

по-прежнему достаточно силен, чтобы противостоять разбойным племенам: в 368 году н. э. аттакотты разорили большую часть Кента, но на Лондон напасть не отважились.

В 410 году н. э. Рим наконец убрал свою оберегающую длань; подобно руке, найденной на Темз-стрит, она была скорее бронзовой, чем золотой. Есть сведения о набегах на город англов и саксов, но нет записей о каком-либо крупном поражении или смене власти. Однако имеются некоторые свидетельства упадка. Когда-то на Лоуэр-Темз-стрит были бани; в начале V столетия их забросили. Стекла были разбиты, а ветер снес крышу; позже, когда крыша рухнула, стали понемногу разрушаться стены восточного ряда построек. Среди их развалин нашли саксонскую брошь: ее уронила какая-то женщина, пробиравшаяся по этим чуждым ей руинам.

Появление саксов датируется началом V века, когда, по выражению историка Гильдаса, британские земли лизал «свирепый и красный язык». В некоторых городах «посреди улиц лежали обвалившиеся верхушки величественных башен, обломки высоких стен, священных алтарей, куски человеческих тел». Но на самом деле англ и саксы уже жили в районе Лондона, и археологические свидетельства показывают, что к концу IV века отряды воинов германского происхождения охраняли Лондон под имперским знаменем.

Тем не менее некогда считалось, что с появлением саксов город пришел в упадок и обезлюдел. На самом же деле в Лондоне, оставленном Римом, не было никакой кровавой резни. В отдельных местах обнаружили слой «темной земли», принятый за свидетельство разрухи и упадка, но современные специалисты полагают, что темная почва говорит скорее об освоении этих краев пришельцами, чем о разрушениях. Есть и другие признаки того, что в течение всего этого периода, еще недавно именовавшегося «мрачным Средневековьем», Лондон был обитаем. Один из поразительным образом уцелевших исторических документов позволяет заключить, что положения лондонского права, введенные римлянами, – особенно те, что касались завещаний и прав собственности, – соблюдались на протяжении всего Средневековья. Иными словами, существовала непрерывная административная традиция, вовсе не нарушенная вторжением саксов.

Древние хроники утверждают, что Лондон оставался главным городом и цитаделью бриттов. В исторических сочинениях Ненния и Гильдаса, Гальфрида Монмутского и Беды Достопочтенного он постоянно упоминается как независимый город, а также как обычное место пребывания британских королей; здесь монархи короновались и всходили на престол и здесь же устраивались общие собрания жителей. Кроме того, город был главным оплотом обороны, за стенами которого бритты искали убежища в лихую годину. Здесь оседала британская и римская знать; город был важным портом на одном из величайших морей христианского мира. О древних британских королях – в том числе о Вортигерне, Вортимере и Утере – говорится как о живших и правивших в Лондоне.

Однако в этих ранних хрониках очень трудно провести границу между изложением действительных фактов и произвольными домыслами. Например, Мерлин в них произносит множество пророчеств о будущем города. В Лондоне находим мы и другую великую фигуру, существующую где-то на стыке мифа и истории, – короля Артура. Согласно Матфею Вестминстерскому, Артура короновал архиепископ Лондонский. Лайамон добавляет, что после этой церемонии новоиспеченный король вступил в Лондон. Характерной чертой городской цивилизации той поры была ее утонченность; Гальфрид Монмутский, к примеру, отмечает «роскошь» декоративного искусства, шедеврами которого изобиловал город, а также достаток и учтивость королевских подданных. В обширном прозаическом эпосе Мэлори под названием «Le Morte d'Arthur»¹, у которого было несколько оригинальных источников, Лондон часто фигурирует как столица королевства. В пору дурных предчувствий после смерти Утера Пендрагона, отца короля Артура, «Мерлин, пришед к Архиепископу Кентерберийскому, увещевал

¹ «Смерть Артура» (фр.).

его известить всех знатных людей королевства и всех благородных ратников, дабы стеклись они в Лондон» и собрались «в наивеличайшей церкви Лондона – был ли то Св. Павел или нет, французская книга не дает понятия». В более поздних книгах Прекрасная Дева из Астолата теряет невинность на берегах Темзы, сэр Ланселот едет из Вестминстера в Ламбет через ту же реку, а Гиневера «явился в Лондон» и «взяти Тауэр Лондонский».

Менее противоречивые свидетельства историков и летописцев добавляют подробностей к картине, рисуемой этими красочными легендами. Церковные записи сообщают, что в 429 году в Лондоне либо в Веруламии, римском городе в Англии, был созван синод; поскольку целью этого авторитетного собрания было осуждение еретических взглядов британского монаха Пелагия, ясно, что в краях, граничащих с Лондоном, по-прежнему процветала богатая религиозная культура.

Лет двенадцать спустя, как утверждается в одной хронике того времени, британские земли приняли саксонское владычество. Хотя этот источник умалчивает о судьбе Лондона, последний, видимо, сохранил свою независимость как город-государство. Тем не менее к середине VI века он, скорее всего, также подпал под власть саксонских правителей. Просторные участки обнесенной стеной земли использовались как пастбища, в больших общественных зданиях, несомненно, шла рыночная торговля или содержался скот, а люди, живущие среди грандиозных руин уже отдаленного прошлого, строили здесь свои деревянные хижины и лавки. Есть чудесная саксонская поэма о развалинах как раз такого британского города; они именуется «*enta geweorc*», то есть творениями гигантов, – эти не пощаженные временем памятники великой расе, ушедшей «*hund cnect*» (сотню поколений) тому назад. Описание разрушенных башен и пустых залов, обвалившихся крыш и покинутых купален проникнуто смесью печали и восхищения. Есть здесь и намек на другую истину. Этот древний каменный город стерли с лица земли время и «*wyrde*» – судьба; он не погиб от свирепого набега и не был разграблен мародерами. Следовательно, саксы не обязательно были разрушителями, и в этой поэме чувствуется искреннее уважение к древности и к «*beohrtan burg*» – «светлому граду», где некогда обитали герои.

В общих чертах мы можем представить себе, как выглядел новый, саксонский Лондон. Был выстроен кафедральный собор, а королевский дворец находился там, где теперь пролегают Вуд-стрит и Олдерменбери. В записках VII века упоминаются «королевские палаты» в Лондоне, и два столетия спустя он по-прежнему был известен как «знаменитое место и царственный град»; расположение королевского дворца рядом со старым римским фортом на северо-западе города позволяет предположить, что его укрепления также поддерживались в хорошем состоянии. Но есть и еще более красноречивое свидетельство преемственности. Одной из самых важных археологических находок недавних лет является открытие римского амфитеатра на месте нынешнего Гилдхолла; это именно то место, где саксы устраивали свои фолькмоты (народные собрания), поскольку оно всегда описывалось как расположенное к северо-востоку от собора. Из этого следует, что саксонские граждане почти наверняка использовали древний римский амфитеатр в своих собственных целях; тот факт, что они сидели и спорили на каменных скамьях, возведенных более чем два столетия назад, позволяет увидеть их связь с отдаленным прошлым в любопытном и неожиданном свете. Конечно, не менее красноречиво и то, что на этом же месте построена нынешняя ратуша – Гилдхолл. Тут мы имеем, во всяком случае, преемственность управления. Соответственно, кажется вполне вероятным, что большой обнесенный стенами город по-прежнему оставался центром власти и влияния.

Это помогает объяснить существование процветающего саксонского городка Лунден-вика – «вик» означает «рынок» – в районе, теперь известном нам как Ковент-гарден. Иными словами, типичное саксонское поселение выросло прямо под стенами могучего города.

Мы можем представить себе несколько сот человек, живших и работавших в районе между Ковент-гарденом и Темзой. Недавно были найдены их печи для обжига и гончарные

изделия, а также шпильки и стеклянные стаканы, гребни, каменные инструменты и гири для ткацких станков. На Эксетер-стрит близ Стрэнда обнаружено место, где разделяли туши, а на Трафальгар-сквер – остатки фермерских домов. Таким образом, все данные наводят на мысль о том, что процветающий торговый район был окружен небольшими поселениями фермеров и ремесленников. Названия саксонских поселков еще слышатся в названиях современных районов Лондона, возникших на тех же местах, – в качестве примеров можно назвать Кенсингтон, Паддингтон, Излингтон, Фулем, Ламбет и Степни. Сама форма и прихотливые изгибы Парк-лейн определяются старым расположением узких земляных наделов саксонских фермеров. Таково же происхождение улицы Лонг-Эйкр. Получается, что это был немалый поселок, и, по-видимому, именно о Лунденвике, а не о Лондоне Беда говорил как о «торговом центре на берегу Темзы... куда съезжаются по воде и суше представители многих народов».

В документах, датированных 673–685 годами, идет речь о правилах, которые следовало соблюдать кентским жителям, ведущим в Лунденвике меновую торговлю. Золотые монеты с чеканкой LONDUNIU использовались как раз в тот же период, так что различие между административным Лондоном и коммерческим Лунденвиком, возможно, и не проводилось. Аналогичным образом шел постоянный процесс ассимиляции коренного населения (бриттов) и пришлых саксов, чему способствовали частые смешанные браки и мирная торговля. Свидетельства этого мы находим в надежнейшем из источников – самом языке, поскольку многие старые британские слова можно обнаружить в «саксонском» английском. Среди них – «basket», «button», «coat», «gown», «wicker» и «wire»², поэтому разумно предположить, что искусство ткачества и плетения, скорее всего, было унаследовано саксами от бриттов. Другое английское слово говорит о смешанном населении Лондона: название Уолбрук произошло от «Weala broc» – «валлийский ручей», что позволяет догадаться о наличии в древнем городе четко определенного района, где жили «коренные бритты».

Беда Достопочтенный сообщает, что Londunium был столицей восточных саксов, но в средний период саксонского правления город, видимо, признавал владычество каждого из королей, властвовавших в этом регионе, среди которых были короли Кента, Уэссекса и Мерсии. Вдобавок к тому, что укрепленный город был обычной резиденцией царствующих особ, можно, пожалуй, считать, что он представлял собой своего рода коммерческую «награду», достающуюся удачливому лидеру. Однако с учетом такой переменчивости центральной власти не стоит, по-видимому, удивляться тому, что главной опорой преемственности была христианская церковь. В 601 году, спустя четыре года после прибытия святого Августина Кентерберийского, папа Григорий объявил Лондон главной епархией всей Британии; еще через три года Этельберт Кентский воздвиг кафедральный собор Св. Павла. Далее следует скупая хроника церковного управления. В год постройки собора Августин, архиепископ Британский, назначил Меллиту епископом Лондона; после этого лондонцы формально стали христианами, но тринадцать лет спустя произошла смена монаршего правления и Меллиту изгнали из города. Таким образом, природная склонность местного населения к язычеству на короткий промежуток снова взяла верх, и лишь затем Римско-католическая церковь постепенно утвердила здесь свое господство.

А потом пришли датчане. Прежде чем отправиться на юг, они разграбили Линдисфарн и Джарроу. «Англосаксонская хроника» сообщает, что в 842 году произошла «великая битва в Лондоне» и викинги были отброшены назад. Девять лет спустя они вернулись, разорили Кентерберии, поднялись по Темзе и напали на Лондон – их флот насчитывал 350 кораблей. Участок городской стены вдоль реки наверняка уже находился в плачевном состоянии, но даже если бы саксы могли починить эти укрепления, они не в силах были бы остановить захватчиков. Лондон был взят и разграблен. По-видимому, к тому времени многие жители успели покинуть

² «Корзина», «пуговица», «куртка», «платье», «плетенье» и «провода» (англ.).

город; остальных, по обычаю викингов, предали мечу, а их хижины и лавки – огню. Некоторые историки считают 851 год поворотным в истории Лондона, но это, пожалуй, значит недооценивать живучесть города, многократно возрождавшегося из руин и пепла. Такие возрождения для него чрезвычайно характерны.

Захватчики вернулись снова через шестнадцать лет. Их огромная армия двинулась по Мерсии и Восточной Англии с целью покорить Уэссекс; в 872 году они построили под Лондоном укрепленный лагерь – очевидно, чтобы защитить свои военные корабли на реке. Вероятно, они рассчитывали установить контроль над Лондоном и бассейном Темзы, дабы взимать дань с соседних королевств. Сам город они определенно заняли, превратив его в военный гарнизон и склад. Они оставались здесь четырнадцать лет. Следовательно, в эту пору город не пустовал, как полагают некоторые, а вновь превратился в оживленный центр управления и снабжения. Скандинавский предводитель Хальфдере чеканил свою собственную серебряную монету – любопытно, что образцом для нее послужили римские монеты. Традиция делания денег (в буквальном смысле) не прерывалась в Лондоне с тех отдаленных времен, что лишний раз подтверждает органическую устойчивость его финансовой жизни. Монеты в Лондоне чеканились для Альфреда в его роли зависимого от захватчиков короля Уэссекса. Коренным жителям, видимо, повезло меньше, чем Альфреду: судя по количеству денежных кладов, зарытых на первом году скандинавской оккупации, богатые лондонцы по возможности спасались бегством так же, как и простые англичане.

Затем, в 883 году, Альфред организовал нечто вроде осады, приведя английскую армию под стены города. Лондон был соблазнительным трофеем, и три года спустя Альфреду удалось получить его. Фактически именно в Лондоне было официально провозглашено его владычество над всем регионом, когда «весь английский народ, который не был под пятою датчан, покорился ему». Иными словами, Лондон по-прежнему оставался символом власти, даже в период его оккупации скандинавами. Датчане попросили мира, и им отвели территорию к востоку от реки Ли. Таким образом, Лондон стал пограничным городом, и Альфред затеял работы по его восстановлению и укреплению. Стены были отремонтированы, набережные отстроены заново, и весь Лунденвик с его кипучей деятельностью оказался под защитой бастионов возрожденного города; именно в эту пору Лунденвик входит в историю под названием Олдуич, то есть «старый торговый городок».

Лондон в очередной раз стал новым, поскольку Альфред установил график работ, который вполне можно считать прообразом современного городского планирования. Он построил внутри стен дорогу, соединяющую Олдгейт и Ладгейт; ее примерное направление еще можно проследить по улицам нынешнего Сити. Другие новые улицы были проложены близ верфей Куинхайта и Биллингсгейта. Альфред изменил лицо города и вновь сделал Лондон пригодным для обитания.

Видимо, город был достаточно велик и силен, чтобы противостоять нападениям викингов в последующие годы; *burgwaga*, или горожане, даже выходили на битвы с ними в 893 и 895 годах. В последнем случае лондонцы сделали вылазку с целью разрушить или ограбить вражеские суда. Тот факт, что викинги не смогли отомстить англичанам, нанеся ответный удар, говорит о надежности городских укреплений.

Наверное, восстановление могущества Лондона не может быть поставлено в заслугу одному лишь Альфреду, хотя врожденный дар городского проектировщика обеспечил ему видную роль в этом процессе. Он отдал Лондон во владение своему зятю Этельреду и пожаловал земли внутри стен светским вельможам и крупным церковникам. Тогда и возникла та странная разбивка территории, следы которой мы видим в делении нынешнего Сити на округа и приходы. Участок лондонской земли мог быть ограничен речушками или остатками римских руин, но, пожалованный однажды английскому лорду или епископу, он превращался в его личный *soke*, или удел. Для защиты и освящения каждого определенного участка лондонской земли

воздвигались церкви из дерева, известняка или песчаника; эти священные сооружения, в свою очередь, становились центрами маленьких жилых сообществ торговцев, ремесленников и прочего люда.

Начало X века было мирным периодом, хотя лондонцы иногда помогали Альфреду в его попытках освободить те области Британии, где еще правили датчане. В исторических записях указывается только последовательность мерсийских королей, подчинявшихся Лондону. В 961 году был большой пожар, после которого разразилась эпидемия чумы; кафедральный собор Св. Павла погиб в огне, и мы видим в этом очередное проявление рока, властвующего над городом и периодически дающего о себе знать. Еще один великий пожар случился двадцать один год спустя, одновременно с нападением на побережье Дорсета трех скандинавских кораблей. Последующие годы ознаменовались целым рядом нападений викингов на процветающий город; несомненно, Лондонский монетный двор с его запасами серебра был особенно лакомой приманкой. Но восстановленные Альфредом укрепления были достаточно надежны, чтобы сдержать натиск врага; в 994 году датчане направили в Темзу флот из девяти пяти кораблей, стремясь блокировать и победить город, но их оттеснила армия лондонцев. Согласно «Англосаксонской хронике», эти ополченцы нанесли датчанам «большой урон, чем те когда-либо предполагали потерпеть от городских жителей». Важно заметить, что по ходу этих битв и осад Лондон обзавелся собственной армией, гарантирующей ему известную независимость; ему вообще были свойственны признаки отдельного королевства или суверенного государства, которые он на протяжении многих столетий никогда не утрачивал целиком.

Итак, лондонские воины постоянно сопротивлялись датчанам, и существуют записи о захватах ими чужеземных кораблей и уводе их в город. Лондонцы выбирались и в Оксфорд, чтобы помочь своим землякам-провинциалам, и, хотя викингам порой удавалось прорваться в кольцо городских стен, Лондон стоял твердо. Он по-прежнему оставался процветающим портом, и в 1001 году один исландский поэт записал свои впечатления от гавани, где купцы из Руана, Фландрии, Нормандии, Льежа и других мест платили строго определенную пошлину за ввоз товара; они привозили сюда шерсть, ткани, древесину, рыбу и топленый жир; с маленьких кораблей взималась дань всего в полпенни, а мореходы закупали там поросят и баранов на обратный путь.

В 1013 году датский предводитель Свен возглавил большое войско скандинавов и двинулся на Лондон, «ибо королем там был Этельред». «Лондонцы не сдались, – повествует "Англосаксонская хроника", – но встали грудью на защиту своего города». Однако этого оказалось мало, и после затяжной осады город был взят датчанами. Правящий монарх спасся бегством, но на следующий год вернулся с самым неожиданным союзником – норвежцем Олафом. Воины Олафа подвели свои суда к Лондонскому мосту, привязали их веревками и тросами к его деревянным опорам, а затем, с помощью прилива, умудрились сдвинуть их и свалить весь мост в Темзу – печально известный эпизод из истории этого знаменитого сооружения. В последние годы на этом участке реки были найдены железные топоры и мечи. Если верить исландской саге, «на горожан, увидевших, что их река захвачена неприятельским флотом, а всякое сообщение между внутренними районами прервано, напала паника». Поскольку их освободили от очень недолго правившего короля, да вдобавок еще и чужестранца, такая реакция вызывает сомнения, но потеря моста, конечно, нанесла серьезный ущерб торговле и сети городских коммуникаций. Но сага кончается оптимистически, или, во всяком случае, торжественно: «И ты сокрушил их мосты, о да! Ты, самый неистовый из сыновей Одина, искуснейший и непобедимый в битвах! Тебе суждено было обладать землями могущественного града Лондона». Самого Олафа впоследствии причислили к лику святых, и в Лондоне построили шесть церквей в почитание его памяти, причем одну из них – на юго-восточном углу моста, который он некогда разрушил. Церковь Сент-Олаф на Харт-стрит, где молился Сэмюэл Пипс, стоит и по сию пору.

В течение трех последующих лет англичане и скандинавы участвовали в целом ряде осад, битв и набегов; в этой долгой войне Лондон неизменно оставался главнейшим оплотом силы и власти. После смерти Этельреда в 1016 году, согласно «Англосаксонской хронике», «все бывшие в Лондоне члены совета и горожане избрали королем Эдмунда», откуда можно заключить, что король был торжественно избран на фолькмоте, представлявшем собой нечто вроде общегородской сходки. Отвоевав корону в том же 1016 году, Кнут обложил данью весь народ, причем Лондон обязан был поставлять одну восьмую от общей суммы.

Тем временем датчане, занимающиеся мирной торговлей, осели под стенами города в районах, которые когда-то были заняты саксами. Церковь Сент-Клемент-Дейнс в устье Стрэнда отмечает место их поселения; возможно даже, что племенное сообщество датчан существовало здесь в течение нескольких поколений, но именно во времена Кнута эта деревянная церковь стала каменной. Считается, что здесь же погребен сын Кнута, Гарольд Заячья Лапа, а один рунический памятник сообщает, что три датских предводителя также «лежат в Лунтунуме». Таким образом, мы вновь сталкиваемся с наличием процветающего рыночного центра под охраной городских стен. Уильям Малмсберийский полагает, что после долгого соседства с датчанами «граждане Лондона почти целиком переняли их обычаи»; это дает нам очередной пример культурной ассимиляции.

Один обычай сохранился полностью. Когда-то близ церкви СентКлемент стоял каменный крест, отмечавший магическое ритуальное место. Здесь, «у Каменного Креста», собирався открытый суд и взимался налог с владельцев окрестных земель; плата за один близлежащий участок земли вносилась подковами и железными гвоздями. Некоторые считают, что этот обычай – эхо какого-то языческого обряда, но он дожил и до наших дней. В начале XXI века в Суде Казначейства – то есть в Доме правосудия, находящемся неподалеку от места расположения древнего креста, – в качестве части налога, причитающегося короне, торжественно сдают шесть лошадиных подков и шестьдесят один сапожный гвоздь.

Итак, датчане и лондонцы процветали в тот период, в исторических записях которого фигурируют только деяния «граждан Лондона» и «армии Лондона» как независимого и прочного самоуправляющегося сообщества. Когда был помазан на царство бледнокожий и набожный Эдуард (впоследствии прозванный Исповедником), составитель «Англосаксонской хроники» записал, что «все люди избрали его королем Лондона». И действительно, Лондон, «*qui caput est regni et legum, semper curia domini regis*»³, обладал официальным статусом законодательного центра и оплота королевской власти.

³ «Главный оплот королевства и закона, постоянная резиденция государя» (лат.).

Глава 3

Свят, свят, свят

Эдуард Исповедник оставил по себе памятник более долговечный, нежели его родовой капитал: он удалился во дворец в Вестминстере и основал монастырь.

Церковь, предшественница монастыря, вела свое существование со II века, но лондонские знатоки древности полагают, что когда-то на ее месте стоял языческий храм, посвященный Аполлону. И действительно, в непосредственной близости от этого места обнаружили римский саркофаг и фрагмент напольной мозаики. В любом случае Вестминстер – а точнее, Торниайленд, где находятся теперь парламент и монастырь, – был очень важным пунктом, поскольку именно здесь дорога из Дувра вливалась в Уотлинг-стрит, ведущую на север. При низкой воде здесь можно было пересечь реку и скакать дальше по великим римским трактам. Однако топография – это не только расположение дорог. Поля Тотхилл-филдс рядом с Вестминстером были частью священного района, где издревле вершились религиозные обряды; в одном документе 785 года говорится об «ужасном месте под названием Вестминстер» (слово «ужасный» подразумевает в данном случае священный ужас перед божеством).

Поэтому нет ничего удивительного в том, что основание Вестминстерского аббатства окутано тайной и мистическими легендами. В VII столетии, в ночь перед освящением первой саксонской церкви, построенной на этом месте, сам святой Петр явился некоему рыбаку и был перевезен через реку из Ламбета; затем он переступил порог новой церкви, и ее тут же залило светом, будто загорелась целая тысяча свечей. Так началась история церкви Сент-Питер. Эдуарда Исповедника также посетил сон, или видение, после которого он велел возвести здесь большое аббатство. Оно стало хранилищем песка с горы Синай и земли с Голгофы, досочки от священных яслей Иисуса и обломков его креста, крови с бока Христа и молока Девы Марии, пальца святого Павла и волос святого Петра. Почти тысячу лет спустя в этом же месте видение снизошло на Уильяма Блейка, узревшего монахов, которые пели, идя к алтарю. За век до того, как поэту было ниспослано это откровение, возвратился из небытия и Эдуард Исповедник: один певчий наткнулся на разбитый гроб преподобного короля и вытащил оттуда череп. Так святой король обратился в эмблему смерти. Пожалуй, это вполне подходящая история для аббатства, ставшего лондонским «городом мертвых», в котором целые поколения королей, политиков и поэтов лежат в молчаливом содружестве как символ великой тайны, где слиты воедино прошлое и настоящее. Это и есть тайна – и история – самого Лондона.

После основания церкви Сент-Бартоломью-де-Грейт в начале XII столетия Уэст-Смитфилд видел не меньше чудес, чем любой подобный ему район Рима или Иерусалима. В провидческом сне Эдуарду Исповеднику было поведано, что Господь избрал Смитфилд в качестве места, где Ему следует поклоняться; Эдуард отправился туда наутро и предсказал, что эта земля станет свидетельницей богоявления. В то же время в Лондон, уже имевший славу святого города, прибыли три паломника из Греции; приблизившись к Смитфилду, они пали ниц и произнесли пророчество о том, что здесь будет возведен храм, который «прострет свою длань от восхода солнца до заката».

«Книга основания» великой церкви Сент-Бартоломью, из которой взяты эти слова, была написана в XII веке; она дает много пищи для размышлений, но также является свидетельством благочестия Лондона и лондонцев. Основатель церкви Рахере находился в Италии, когда приснившееся ему животное с четырьмя ногами и двумя крыльями вознесло его на «высокое место», где перед ним предстал святой Варфоломей со следующими словами: «Я, по воле и повелению Святой Троицы и с благосклонного согласия всего сонма святых, избрал место в пригороде Лондона Смитфилде». Рахере велено было воздвигнуть там храм поклонения

Агнцу. Он отправился в указанный город, и в беседе со «знатными людьми Лондона» ему объяснили, что «место, виденное им в божественном сне, находится в пределах королевского рынка и закон не позволяет вторгаться в сии пределы ни представителям власти, ни даже самим наследным принцам». Тогда Рахере испросил аудиенции у Генриха I, дабы поставить его в известность о своей священной миссии; король милостиво выделил ему участок, бывший в ту пору «весьма малым кладбищем».

Затем Рахере «представился юродом», чтобы набрать добровольцев для грандиозного строительства. Он «привлек к себе множество детей и слуг и с их помощью легко принялся собирать камни». Камни поступали из разных районов Лондона, и в этом смысле история постройки храма есть наглядное отражение того факта, что церковь Сент-Бартоломею была коллективным творением и мечтой всего города; она буквально повторила его в миниатюре.

Итак, церковь росла, и многие священники собрались здесь, чтобы жить «по крепкому уставу» под началом ее основателя. С момента ее закладки, когда «свет снизошел с небес и сиял над нею на протяжении часа», в стенах церкви совершилось столько чудес, что летописец заявляет: он поведает лишь о тех, которые видел сам. Некого Вулмера, калеку, передвигавшегося «на двух подпорах, всюду носимых с собою», принесли к св. Варфоломею в корзине; он пал ниц пред алтарем и излечился. «Одна женщина из прихода Сент-Джон» исцелила свои «расслабленные» члены, а некий Уаймонд, который был нем, заговорил. Многие из этих чудес произошли в День св. Варфоломея, так что в городе постоянно действовала аура не только святых мест, но и святого времени. Чудесные исцеления совершались и в «лечебнице при храме», ныне больнице Св. Варфоломея. Таким образом, церковь Сент-Бартоломею представляет собой обиталище святого духа, который не покидает его вот уже почти девять столетий.

Когда граждане Лондона отправлялись в долгие путешествия «в отдаленные концы света», им угрожало кораблекрушение, но они успокаивали друг друга словами: «Чего опасаться нам, верующим, если добрый Варфоломей, вершитель столь многих чудес, обитает в Лондоне по соседству с нами?.. Уж он-то не откажет в милости своим землякам». В часовне при церкви был «алтарь, освященный в честь наиболее почитаемой и присносуещей Девы Марии»; здесь Пресвятая Дева явилась одному мирянину и сказала: «Я стану внимать вашим обетам и молитвам и не лишу вас своей благосклонности во веки веков».

Эта часовня цела и поныне, но паломники туда больше не ходят. Церковь Сент-Бартоломею почти заброшена – она стоит поодаль от кольцевой дороги, ведущей от мясного рынка к больнице и некогда служившей границей Варфоломеевской ярмарки. Однако самого Варфоломея можно по-прежнему считать одним из святых покровителей города, и даже к началу XXI века в Лондоне остались десять улиц и дорог, носящих его имя.

Итак, в давнюю пору Лондон был святым городом, и о Смитфилде мы читаем: «Ужасно место сие для тех, кто понимает; оно есть не что иное, как обитель Божья и врата небесные для тех, кто верит». Эти слова перекликаются с другими лондонскими историями о чудесах и видениях; здесь, среди городской копоти и смрада, могут внезапно распахнуться «небесные врата».

В Лондоне существует много святых источников с целительной водой, хотя большинство из них давно уже зарыты или разрушены. Под Домом правосудия находится древний источник Сент-Клемент; источник Чада похоронен под улицей Сент-Чад-стрит. Над источником Барнета сначала был выстроен рабочий дом, а потом больница, так что его целительные свойства не пропали втуне; то же можно сказать о роднике со странным названием Перилос-Понд⁴ близ больницы Св. Луки на Олд-стрит. Память о целебном источнике близ Криплгейта, который

⁴ «Гибельный пруд» (англ.).

некогда охраняли монахи, осталась в названии улицы Монкуэлл-стрит⁵, а там, где был источник Черной Марии – рядом с Фаррингдон-роуд, – сейчас находится местечко Багниг-уэллс. Единственный древний источник, который еще можно увидеть, – это «родник Клирика» за стеклянным окошком в нескольких ярдах к северу от площади Кларкенуэлл-грин; здесь на протяжении многих веков разыгрывались спектакли религиозного содержания, а также устраивались вполне светские мероприятия – схватки борцов и разнообразные турниры. На месте шордичского святого источника – память о нем хранят Холи-Уэлл-роу и Холи-Уэлл-лейн⁶ – вырос один из первых английских театров, построенный Джеймсом Бербеджем более чем за двадцать лет до появления «Глобуса». Источник Садлера тоже был парком для отдыха, а затем превратился в театр «Садлерс-уэллс». Так святой дух родников стал духом театра, и это очень характерно для Лондона.

Хранителями источников часто выбирали отшельников, но их главной заботой были городские ворота и перекрестки. Отшельники взимали пошину и жили прямо в укреплениях Лондонской стены. Таким образом, в каком-то смысле они были защитниками Лондона и возвещали своим служением, что это не только град человеческий, но и град Божий. По крайней мере, такова была теория, но ясно, что многие становились отшельниками не по призванию, а ради легкой жизни; автор «Видения о Петре Пахаре» Уильям Ленгленд называет их «великими прохиндеями и ленивцами, бегущими тяжкого труда», то есть обманщиками, которые попросту не желали работать. Например, в 1412 году некий Уильям Блейкни был осужден в Гилдхолле за то, что ходил «босой и с длинными власами под личиною святости». И тем не менее образ Лондона, окруженного отшельниками, которые жили в своих маленьких кельях и проводили время за бдениями и молитвами, пленяет воображение.

Фигура отшельника важна и в другом смысле: в историях о Лондоне, к какой бы эпохе они ни относились, полно одиноких и неприкаянных персонажей, еще острее чувствующих свою изолированность на полных суеты городских улицах. Джордж Гиссинг называет таких людей, в тоске возвращающихся в свои одинокие комнаты, «анахоретами будничной жизни». Поэтому городские отшельники раннего периода могут считаться провозвестниками образа жизни, привычного для многих лондонцев более поздних эпох. Тот же отшельнический дух нашел свое воплощение и в четырех церквах Сент-Ботольф, охраняющих четверо городских ворот: Ботольф был саксонским святым VII века, чье имя ассоциировалось в основном со скитальцами. Таким образом, скиталец и затворник – участники одного и того же краткого паломничества по улицам Лондона.

Но на этих улицах могли звучать и молитвы. До перепланировки Лиссон-гроув в Марилебоне была Парадайс-стрит с примыкающим к ней переулком Гротто-пассидж; в непосредственной близости от них находились Виджил-плейс и Чепел-стрит. Возможно, это район обитания древних отшельников, «святое место», связывавшее город с вечностью. Близ собора Св. Павла можно отыскать Патерностер-роу, Аве-Мария-лейн, Амен-корт и Крид-лейн, и мы вполне можем представить себе шествие с пением молитв на соответствующих улицах⁷. Так в старинных районах Лондона пребывает дух древности, словно заставляющий их время от времени заново переживать свою историю.

По той же причине, например, в окрестностях древней церкви Сент-Панкрас до сих пор царят уныние и запустение. Это место всегда было уединенным и таинственным: «не ходите здесь в позднюю пору», предупреждает елизаветинский топограф. В этом районе по традиции хоронили убийц, самоубийц и жертв дуэлей, проходивших в Чок-фарм, но они не обрели здесь

⁵ «Улица Монашеского Колодца» (англ.).

⁶ Holy Well – «Святой источник» (англ.).

⁷ Английские слова, входящие в названия перечисленных в этом абзаце улиц и площадей, означают «рай», «пещера», «бдение», «часовня»; «Отче наш», «Аве Мария», «аминь», «верую».

истинного упокоения: их кости то и дело подвергаются перезахоронению. В последний раз множество человеческих останков было обнаружено в 1863 году во время прокладки железнодорожных путей и строительства вокзала Сент-Панкрас. Могилы прятались под огромным деревом, корни которого обнимали их; издали могло показаться, что надгробные камни – плоды этого дерева, созревшие и готовые к сбору. На некоторых из этих древних памятников стояли имена католиков: для них это место было святым. Считается, что Сент-Панкрас – первая христианская церковь в Англии, основанная самим Августином; в ней якобы хранится последний колокол, который мог звонить во время мессы. Таким образом, «Панкрас» может быть производным от Pangrace⁸, однако более вероятно, что это имя мальчика-святого происходит от сочетания Pan Crucis или Pan Cross – монограммы или символа самого Христа. Ватиканский историк Максимилиан Миссон утверждает, что «Церковь Сент-Панкрас близ Хайгейта, под Лондоном... есть Глава и Матерь всех христианских церквей». Кто бы мог подумать, что на пустыре к северу от вокзала Кингс-кросс находится столь могущественный религиозный центр?

Как и у других лондонских церквей, у Сент-Панкрас есть свои колокола. У колоколов церкви Сент-Стивен на Рочестер-роу были имена «Благословение», «Слава», «Мудрость», «Благодарение», «Честь», «Сила», «Могущество» и «Поклоняйся Господу Нашему Ныне и Присно, Аминь, Аллилуйя».

Колокольный звон был постоянным и любимым спутником жизни всех лондонцев, и чтобы в это поверить, не обязательно даже вспоминать знаменитый детский стишок:

И звонит Сент-Мартин:
Отдавай мне фартинг!
А Олд-Бейли, ох, сердит,
Возвращай должок! – гудит⁹.

В 1994 году столичные метеорологи сделали заключение, что в эпоху, предшествующую появлению автомобилей, звон колоколов Сент-Мэри-ле-Боу на Чипсайде «должен был быть слышен повсюду в Лондоне». Таким образом, каждый лондонец был тогда истинным кокни¹⁰. Однако уроженцы Ист-Энда, пожалуй, действительно могут с большим правом претендовать на это почетное звание, поскольку самое старое предприятие в их районе – основанная в XV веке Уайтчепельская литейная, где делали колокола. Горожане спорили, в чем приходе колокола самые громкие; считалось, что зимой их звон помогает согреться. Иногда выдвигалось предположение, что в день Страшного суда ангелы будут созывать народ не трубным гласом, а звоном лондонских колоколов – иначе-де горожане не поверят, что этот день наконец настал. Звон колоколов всегда органически вплетался в их жизнь и был ее неотъемлемой частью. Когда главный герой оруэлловского «1984» вспоминает знаменитую песенку, где фигурируют церкви Сент-Клемент и Сент-Мартин, Шордичская и Сент-Мэри-ле-Боу, ему кажется, что он слышит «колокола исчезнувшего Лондона, который еще существует где-то, невидимый и забытый». Некоторые из колоколов этого исчезнувшего Лондона можно услышать и сейчас.

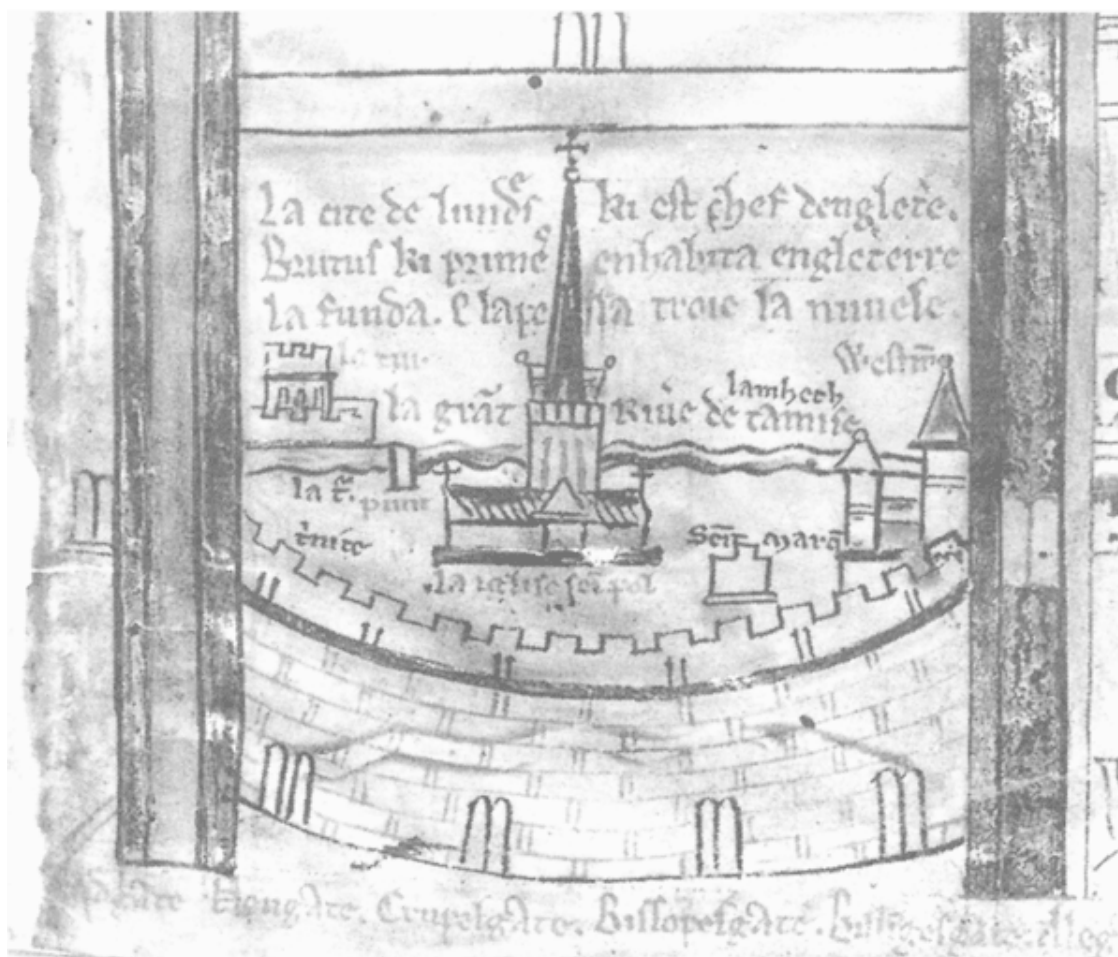
⁸ Всеобщая (или полная) благодать (англ.).

⁹ Перевод Е. Кассировой.

¹⁰ Считается, что человек, рожденный в пределах слышимости колоколов этой церкви, то есть преимущественно в нынешнем Ист-Энде, – истинный кокни, то есть коренной лондонец.

Раннее средневековье

Карта Лондона, выполненная в 1252 г. хронистом и иллюминатором Мэтью Парисом. На ней видны Тауэр, собор Св. Павла и Вестминстер.

Глава 4

«Я поставляю над вами законы»

В последний месяц 1066 года Вильгельм, герцог Нормандский, продефилировал со своими войсками по Сент-Джайлс-Хай-стрит, а затем повернул к югу, на Вестминстер. Он уже разорил Саутуорк и теперь собирался начать осаду Лондонской стены у Ладгейта, где находились тогда главные ворота города. В ту пору часто говорили, что Лондон не боится врагов и выдержит любой натиск благодаря своим укреплениям, однако в результате какого-то тайного сговора группа саксонских дворян отперла ворота. Отряды Вильгельма достигли собора Св. Павла и Чипсайда, но затем «*in platea urbis*» – на открытом месте или широкой улице – их атаковала толпа, а может быть, целая армия горожан, не пожелавших мириться с вторжением чужеземного предводителя. Хронист конца XI столетия Вильгельм Жюмьежский пишет, что «войска нормандцев немедля вступили с ними в битву, причиня немалую скорбь Городу, ибо лишили жизни весьма многих его сынов и обитателей». В конце концов лондонцы сдались, но их выступление показывает, что они считали себя жителями независимого города, способного противостоять иностранному вторжению. В этот раз они не преуспели, но на протяжении последующих трех веков лондонцам предстояло непрерывно защищать свой суверенитет как гражданам города-государства.

Так или иначе, битва за Лондон завершилась. Недавно к юго-западу от Ладгейта обнаружили останки одиннадцати человек (причем похоже, что тела были расчленены), а на берегу Уолбрука откопали клад из нескольких тысяч монет того же периода.

Первой задачей нового монарха стало усмирение города. В трех точках по периметру Лондона началось строительство новых фортов – башен Монфише и Бейнардс-касл, а также сооружения, которое известно с тех пор под именем лондонского Тауэра. Но Тауэр никогда не принадлежал Лондону, и горожане считали его вызовом и угрозой их свободе. В своей книге «Созидание Лондона» сэр Лоренс Гомм упоминает о том, как раздражали горожан «насмешки людей, говоривших, что эти стены были возведены, дабы оскорбить их, и что если кто-либо из них отважится начать борьбу за свободу города, его схватят и заточат здесь».

После Великого пожара 1077 года, который, подобно прежним, опустошил большую часть города, на месте первоначального укрепления была возведена каменная башня; ее строительство продолжалось более двадцати лет, причем центральная власть обязала соседние графства поставлять для него рабочую силу. Сооружение называли Белой башней (или Белым Тауэром); оно вознеслось ввысь примерно на девяносто футов и доминировало над городом, подчеркивая этим мощь завоевателей. Для легализации участия знатных лондонцев в мероприятиях судебного и административного характера, проходивших в новом Тауэре, были разработаны изощренные ритуалы, однако все это оставалось вне городской юрисдикции. Выстроенный из нездешнего материала – привезенного из Нормандии канского камня с желтоватым оттенком, – Тауэр был символом иноземного правления.

Вильгельм также милостиво соизволил пожаловать Лондону «Хартию», уместившуюся на крошечном пергаменте менее шести дюймов в длину. Она написана на англосаксонском и французском. Адресованная «главам города», она наделяла Лондон правами, которыми он и так пользовался еще со времен римского владычества. «Знайте, что своею волей я поставляю над вами те же законы, что действовали в дни короля Эдуарда, – гласит этот документ. – И пусть каждый ребенок наследует своему отцу по его кончине. И я не позволю никому причинить вам вред. Бог да хранит вас».

Эта грамота может показаться лишенной смысла, но, как отмечает Гомм в своем «Управлении Лондоном», она знаменует собой возникновение «абсолютно нового политического фактора в истории Лондона». Лондонцам разрешили жить по законам, которые город устано-

вил для себя сам, а король утвердил свое господство над древними структурами городской власти.

Однако Вильгельм признал наиважнейший факт – что этот город является ключом как к его собственному преуспеянию, так и к процветанию побежденной им страны. Вот почему с его благословения Лондон сменил свой статус, превратившись из независимого города-государства в столицу этой страны. В 1086 году составители «Книги Страшного суда»¹¹ обошли Лондон стороной – несомненно, по той причине, что сложная финансовая и коммерческая деятельность, ведущаяся в пределах города, не могла разумно использоваться в качестве источника королевских доходов. В то же время нормандский король и его преемники проводили в жизнь грандиозный план общественных работ, призванных подчеркнуть центральную роль Лондона в новой политике. Был перестроен собор Св. Павла, а наследник Вильгельма, его сын Вильгельм Рыжий, начал возведение Вестминстер-холла; в этот же период строилось множество мужских и женских монастырей, а также подчиненных им более мелких обителей и больниц, так что Лондон с его окрестностями словно превратился в одну гигантскую стройплощадку. С тех пор строительство и ремонт городских зданий уже не прекращались. Например, район возле римского амфитеатра был расчищен в начале XII столетия. Первая ратуша в том же районе была закончена к 1127 году, а вторая построена в начале XV столетия.

Самой ранней формой общественного управления был фолькмот, собиравшийся трижды в год – сначала в римском амфитеатре, а под конец на Сент-Полс-кросс. Был также более официальный суд под названием «Гастингс». Эти институты родились в давнюю пору – еще при саксах и датчанах, когда город был автономным и самоуправляющимся. Территориальное деление Лондона, существовавшее до тех пор, тоже имело весьма почтенный возраст. К XI веку основной территориальной единицей стал уорд, во главе которого стоял его полномочный представитель – олдермен. Уорд был не просто сообществом горожан, управляющих своими собственными улицами и лавками, но еще и военной единицей: в середине лета проводился ежегодный смотр, когда, согласно одному официальному документу эпохи Генриха VIII, «каждый олдермен выводил свой уорд в поля и проверял у людей оружие, следя, чтобы у всякого были меч и кинжал, и те, кому не способно быть лучниками, отправлялись в копейщики». Даже в XIV веке Лондон еще именовался в документах «республикой», и в процитированном описании хорошо организованной армии горожан слышатся отзвуки древней мощи республиканской идеи.

Но если границы уордов внутри города были самыми важными, это не значит, что они были самыми определенными. За уордами шли районы (precinct) со своими собственными гражданскими собраниями, а далее – отдельные приходы с самоуправляющимися собраниями прихожан. В городе существовала сложная последовательность взаимозависимых властных структур, и эта сеть подчинений и интересов существенно влияла на его жизнь. К примеру, в течение всего XIX столетия не прекращался поток жалоб на косность и упрямство городских властей. Такое сопротивление переменам было наследием тысячелетней давности, которое окутало столицу облаком не менее плотным, чем угольный дым и туман. Оно также создало фон, на котором последующие события выглядят вполне понятными.

Преемник Вильгельма Завоевателя, Вильгельм Рыжий, решил обложить своих подданных еще более изуверскими налогами и пошлинами. Кроме того, борясь с осевшими в Англии нормандскими баронами, он завел обычай отправлять пленников на казнь в Лондон; возможно, этим подчеркивалась роль города как столицы, но это же было и средством утверждения королевской власти.

¹¹ «Книга Страшного суда» – свод материалов всеобщей поземельной переписи в Англии.

После смерти Вильгельма Рыжего в 1100 году его брат Генрих I поспешил в Лондон и был провозглашен там новым монархом. В записях о его правлении есть перечень олдерменов 1127 года, представляющий собой такую пеструю смесь английских и французских имен, что его вполне можно считать доказательством мира и согласия, воцарившихся в отношениях между коренными и «новоиспеченными» лондонцами. Вообще, изучение имен лондонцев той поры, когда староанглийские имена постепенно вытеснялись французскими, дает необычайно богатую информацию. Фамилии тогда отнюдь не были родовыми именами, но давались людям в соответствии с местом их жительства или профессией – таким образом можно было отличить Годвина Бейкера (булочника) от Годвина Ладубура (чеканщика), Годвина Турка (торговца рыбой), Годвина Вустеда (торговца тканями) и Годвина Солла (шляпника). Остальных граждан различали по патронимам или, чаще, по прозвищам. Имя Эдвин Аттер означало «Эдвин, острый на язык»; носитель имени Роберт Баддинг был, видимо, неженкой; Хью Флег значило «Хью, который всегда начеку», у Йоханнеса Флокка были курчавые волосы, Джон Годэйл продавал хороший эль, а Томас Готсол никого не обманывал.

Несмотря на то что всех горожан прочно связывали друг с другом торговые и коммерческие отношения, с королем они ладили не всегда. Для него город был в первую очередь местом, из которого он мог выжимать доходы. Причина, по которой Генрих редко вмешивался в жизнь Лондона, была проста: он нуждался в процветании города, поскольку тот приносил ему прибыль.

После кончины Генриха в 1135 году исход династической борьбы нескольких претендентов на престол оказался напрямую зависящим от симпатий и преданности лондонцев; племянник Генриха Стефан, граф Блуасский, объявив себя законным наследником, быстро «пришел в Лондон, и народ Лондона принял его... и провозгласил королем в половине зимы». Так свидетельствует «Англосаксонская хроника», а другой древний источник добавляет, что «олдермен и мудрейшие люди созвали фолькмот и, озабочась по своей воле благом государства, единодушно порешили избрать короля». Иными словами, жители Лондона официально избрали короля всей страны. Неясно, что именно Стефан посулил или пожаловал городу за такую честь, но с тех пор Лондон прочно занял первое место в национальной политике, пользуясь независимостью, почти равной самоуправлению.

Однако коронации самой по себе оказалось недостаточно. После прибытия на английскую землю соперницы Стефана, дочери Генриха Матильды, в 1139 году и пленения новоиспеченного монарха в битве при Линкольне в 1141 году перед Лондоном вновь встала необходимость выбора. Для рассмотрения притязаний Матильды на престол в Винчестере был собран большой совет, и родной брат Стефана закончил речь в ее поддержку следующими знаменательными словами: «Мы отправили гонцов за лондонцами, коих по важности их города для всей Англии можно считать почти вельможами, и выслали им охранную грамоту». Они явились на следующий день, назвавшись представителями «*a communione quam vocant Londoniarum*» – то есть «сообщества или общины, именуемой Лондоном». Это свидетельство Вильгельма Малсмсберийского весьма недвусмысленно говорит о значении города. После того как страна распалась из-за междоусобных войн, Лондон перестал быть столицей и снова превратился в город-государство. События поры недолгого правления Матильды усиливают это впечатление. Она попыталась ограничить влияние Лондона и опрометчиво потребовала денег у его богатейших граждан. В результате, когда к Лондону подошла королева Мод, горожане высыпали на улицы с оружием, «точно густые рои пчел из ульев» (так гласят «*Gesta Stephani*», «Деяния Стефана»), дабы поддержать ее. Матильда сбежала от разгневанных горожан и больше не вернулась на престол.

Здесь следует сделать оговорку – хотя бы ради того, чтобы развеять иллюзию полной независимости Лондона. Когда страну раздирали династические свары, город естественным образом принимал на себя ведущую роль, но в мирном, упорядоченном королевстве горожане

столь же естественным образом подчинялись монаршей власти. Поэтому в годы правления Генриха II, сына Матильды и преемника Стефана, город стал пользоваться несколько меньшим влиянием. В своей хартии король наделил лондонцев «всеми правами и свободами, коими они пользовались при моем деде Генрихе», но королевские шерифы осуществляли управление во многом под прямым контролем монарха.

Например, убийство Фомы Бекета, совершенное зимой 1170 году в Кентерберии, должно было бы задеть лондонцев за живое. Современники знали архиепископа как «Фому Лондонского», и он был единственным канонизированным лондонцем за много столетий; его любовь к цветистым речам и мелодраме тоже типична для жителей этого города. Однако мы не имеем никаких свидетельств о возмущениях горожан по поводу его убийства. Возможно, Фома – одна из тех поразительных фигур в истории Лондона, которые выпадают из своего времени в вечность.

Однако более мирские ценности, коими Лондон обладал в тот период, воспел не кто иной, как биограф Фомы Бекета – живший в XII столетии Уильям Фицтивен. Его труд написан в новом стиле городских *epic* (панегириков), так как процветание крупных городов и жизнь их обитателей были тогда предметом обсуждения во всей Европе; и тем не менее картина, нарисованная Фицтивеном, отличается особой выразительностью. Вдобавок она необычайно важна как первое общее описание Лондона.

Автор описывает шум или «стучание» водяных мельниц в лугах Финсбери и Мургейта, а также крики и возгласы рыночных торговцев, каждый из которых «имеет свое особое место и занимает его всякое утро». Близ Темзы было множество винных лавчонок, где угощались не только прибывшие в порт купцы, но и местные ремесленники; была здесь и большая «публичная харчевня», где слуги могли приобрести для своих хозяев хлеб и мясо, а местные торговцы – сесть за стол и перекусить. Кроме того, Фицтивен описывает «высокую и толстую стену», которая окружала и защищала весь этот оживленный город, с ее семью двойными воротами и северными башнями; на востоке была еще большая крепость («когда ее строили, в известку была добавлена кровь диких зверей»), а на западе – два «на славу укрепленных замка». За стенами тянулись сады и виноградники с разбросанными там и сям усадьбами знатных и богатых людей. Их огромные дома находились в основном на западных окраинах города, в районе нынешнего Холборна; на севере же были луга и пастбища, граничившие с «бескрайним лесом», единственные остатки которого – Хемпстед и Хайгейт. На северо-западе, прямо под городской стеной, было «гладкое поле», известное нам теперь под названием Смитфилд, где каждую пятницу торговали лошадьми. На огороженных участках поблизости забивали и продавали также свиней и быков. Здешнее население занималось этим почти тысячу лет кряду.

Рассказ Фицтивена примечателен тем, что в нем постоянно подчеркиваются энергия, живость и напористость горожан. Каждый вечер в полях за городской околицей устраивались футбольные матчи и молодых игроков подбадривали криками их учителя, родители и товарищи-подмастерья; каждое воскресенье в то же время проводились потешные турниры, участники которых, вооружившись щитами и копьями, пытались сбить друг друга с коня. Даже развлечения лондонцев носили агрессивный характер. На Пасху посреди Темзы устанавливали дерево и вешали на нем мишень, после чего туда быстро неслась гребная лодка, в которой стоял юноша, вооруженный пикой. Если удалец промахивался, целясь в мишень, он падал в реку к вящему удовольствию зрителей. В самые холодные зимние дни, когда замерзали Мурфилдские болота, любители забав садились на большие глыбы льда, а друзья катали их, толкая эти глыбы перед собой; кое-кто мастерил из берцовых костей животных коньки. Но и здесь присутствовал дух соревнования и агрессии: конькобежцы сшибались, «покуда один или оба не падали, порою не без телесных повреждений», и «весьма часто нога или рука упавшего соперника» оказывалась сломанной. Даже уроки и споры школьников были проникнуты боевым духом и велись «с

градом насмешек и нападок». То был мир, где развлекались травлей медведей и петушиными боями (это вполне созвучно сообщению Фицтивена о том, что тогдашний Лондон мог собрать армию в 80 000 человек), мир, где насилие и смех сочетались с тем, что Фицтивен именует «житийским изобилием, неутомимостью в делах, громкой славой и великолепием».

Итак, это была пора достатка и процветания. В порту кипела работа – его отстраивали, расширяя бассейн для стоянки судов, чтобы там могли свободно бросить якорь фламандские, французские и ганзейские купцы, а также их коллеги из Брабанта, Руана и Понтье; в городе торговали мехами, шерстью, вином, тканями, зерном, лесом, скобяными изделиями, солью, воском, сушеной рыбой и сотней других товаров, необходимых для того, чтобы кормить, одевать и обслуживать его постоянно растущее население. Большая часть этого населения и сама активно занималась коммерцией: свой товар непрерывно выбрасывали на рынок скорняки с Уолбрука и ювелиры с Гатранс-лейн, мясники Истчипа и сапожники Кордуэйнер-стрит, торговцы шелками с Уэстчипа и торговцы рыбой с Темз-стрит, свечники с Лотбери и торговцы древесиной с Биллинггейта, торговцы скобяными изделиями с Олд-Джури и продавцы ножей с Попс-Хед-элли, изготовители четок с Патерностер-роу и виноторговцы с Винтри.

Тогда в городе было гораздо больше шума, чем сейчас, – на его улицах не смолкали крики носильщиков и водовозов, гремели телеги, звонили колокольчики, стучали молотками кузнецы и те, кто изготовлял оловянную посуду, перекликались мастеровые, плотники и бондари, работающие бок о бок на тесных пятачках. Не меньше, чем шума, было и запахов: их источали сыромятни и пивоварни, бойни и лавки, где продавали уксус, харчевни и мусорные кучи, и ко всему этому добавлялась еще вонь помоев, сливаемых в канавы посреди узеньких улиц. В результате получались такие густые миазмы, что их не мог разогнать даже самый сильный ветер. Кроме того, пивовары, пекари и кузнецы все чаще жгли уголь, и это также не улучшало атмосферы.

В этот же период город постоянно строился и перестраивался: в нем не было ни одного района, где не появлялись бы новые магазинчики и крытые рынки, церкви и монастыри, каменные и деревянные дома. В почвенных слоях, относящихся к этому периоду, обнаружены фундаменты и выгребные ямы из известняка, арки из райгитского камня (по названию города Райгит в графстве Суррей), булыжник, буковые сваи, дубовые балки и бревна, а также остатки стен, канализационных стоков, полов, погребов, колодцев, мусорных ям и строительных опор. Все это говорит об интенсивной и непрерывной созидательной деятельности.

Так же бурно развивались и «пригороды», то есть районы, прилегающие извне к городским стенам. В XII столетии появились крупные монастыри Сент-Джон и Сент-Бартоломео в Кларкенуэлле и Смитфилде, а в XIII веке – церкви Остин-Фрайарс и Сент-Клер, Сент-Хелен и Аур-Леди-оф-Бетлихем. Был перестроен собор Св. Павла и основана больница для бедных при монастыре Сент-Мэри. С промежутком менее чем в двадцать лет закончили возведение своих крупнейших монастырей на западе города белые и черные монахи. В этой части Лондона делались самые капитальные вложения: свободная земля продавалась под обязательство немедленной застройки, а дома и прочая недвижимость сдавались по частям, что приносило более высокий доход. Однако объектом самого грандиозного строительства стал Лондонский мост. Его сделали каменным и превратили в важнейшую торговую и коммуникационную магистраль, которая остается на одном и том же месте почти девять сотен лет.

Сейчас южный конец моста украшают сидящие по обе его стороны мифические птицы – грифоны, раскрашенные в серебряный и красный цвета. Это городские тотемы, которые можно увидеть у многих лондонских дверей и порогов, и они очень подходят городу. Грифон был чудовищем, охранявшим золотые копи и спрятанные сокровища; теперь он вынырнул из классической мифологии, дабы охранять город Лондон. Главным божеством этого края всегда были деньги. Так, Джон Лидгейт написал о Лондоне в XV веке: «Не имея денег, разве смогу я про-

цветать?» Александр Поуп вторит ему в XVIII веке, говоря: «Вот он, глас Лондона: давайте денег, да поживей!»

«У Лондона нет иных изъянов, – утверждает Фицтивен, – кроме неумеренного пьянства отдельных глупцов да частых пожаров». В этом он столь же точен, сколь и прозорлив. Впрочем, другие наблюдатели, писавшие в том же XII веке, но чуть позднее, были настроены более критично. Один йоркширский автор, Роджер Хауденский, сообщает, что сыновья богатых горожан собирались по ночам «в большие шайки», чтобы грабить и обижать всех, кто проходил мимо. Винчестерский монах Ричард Девизесский был менее сдержан в своих инвективах: для него Лондон – гнездилище зла и порока, куда стекаются не только отечественные пустозвоны и сводники, но и отребье всех прочих национальностей. Он описывает переполненные трактиры и харчевни, где постоянно играют в кости и бьются об заклад. Интересно, что он упоминает также theatrum – театр; это позволяет предположить, что для утоления любви лондонцев к зрелищам уже не хватало мистических и «чудесных» представлений в Кларкенуэлле («первые» театры 1576 года, «Театр» и «Куртина», наверняка образовались из зародышей, сведения о которых утрачены). Кроме того, у Ричарда имеется любопытное описание городского населения, включавшего «смазливых мальчиков, неженков, педерастов». Их сопровождали «знахари, танцовщики, колдуньи, вымогатели, ночные бродяги, чародеи, мимы» – здесь перед нами встает пестрота городской жизни, которую чаще воспевали, нежели проклинали такие разные авторы последующих столетий, как Джонсон и Филдинг, Конгрив и Смоллетт. Иными словами, она была присуща Лондону испокон века.

Уильям Фицтивен заметил, что «город поистине великолепен, когда у него хороший правитель (governor)». Само это слово может быть переведено как «руководитель» или «хозяин»; употребляя его, обычно имели в виду короля. Но в годы, следующие непосредственно за написанием хроники Фицтивена, оно стало приобретать и другие значения. Пришло время – в последнем десятилетии XII века, – когда по улицам прокатился клич: «Лондонцы не потерпят над собой иного короля, кроме мэра!» Эти возмущения были прямым результатом отсутствия короля, отправившегося в крестовый поход, в Европу и Палестину. Ричард I явился в Лондон на коронацию, происшедшую в первое воскресенье сентября 1189 года – «в день, отмеченный в календаре как несчастливый»; и действительно, «таким он и оказался для лондонских евреев, загубленных в сей день». Эти загадочные слова относятся к массовой резне – Ричард Девизесский называет ее холокостом, – о которой историки, в общем, рассуждать не любят. Часто говорилось, что верховодили в ней должники евреев, и тем не менее трудно переоценить неистовость лондонской толпы – это были свирепые и безжалостные люди, которых не зря сравнивали с роем растревоженных пчел. Автор труда XVI века «Достопримечательности града Лондона» называет местное население «хлопотливыми пчелами»; согласно Томасу Мору, который писал в тот же период, стоявший на лондонских улицах гомон был «ни громок, ни внятен, но более всего походил на гудение пчелиного роя». В день коронации Ричарда эти пчелы зажали евреев и их семьи до смерти.

В отсутствие короля, занятого религиозными войнами, лондонская верхушка снова выдвинулась в Англии на ведущую роль. Дух и волю лондонцев еще более укрепило то обстоятельство, что представитель Ричарда Уильям Лоншан поселился в Тауэре и принялся воздвигать вокруг него новые бастионы. В 1191 году, когда брат Ричарда Иоанн захотел овладеть короной, граждане Лондона собрались на фолькмот, дабы рассмотреть его притязания; в этот важный момент они согласились признать его королем, если он, в свою очередь, признает за Лондоном неотчуждаемое право жить «коммуной» как самоуправляющийся город-государство со свободными выборами руководителей. Иоанн дал на это свое согласие. Полученный городом статус не был новым, но правящий монарх впервые признал Лондон общественной организацией, «коей все благородные люди королевства, не исключая и епископов, обязаны

присягать на верность». Это слова Ричарда Девизесского, который считал заключенное соглашение не чем иным, как «пузырем», то есть плодом чванства, и не ждал от него ничего хорошего.

Благодаря французам в слове «коммуна» слышится что-то радикальное или революционное, но революция, о которой мы ведем речь, была инициирована самыми богатыми и могущественными жителями Лондона. По сути, ее результатом стала гражданская олигархия, предоставление власти самым влиятельным семьям – Бейсингам и Роуксли, Фицтедмарам и Фицрейнерам, которые именовали себя аристократами, или «оптиматами». Эта правящая элита воспользовалась сложившейся политической ситуацией, чтобы заново утвердить власть и независимость города, ограниченную нормандскими королями. Итак, мы читаем в обширной городской летописи «Liber Albus» («Белая Книга»), что «знать града Лондона будет ежегодно избирать из своих рядов мэра... при условии, что ее избранник непременно будет представлен Его Величеству королю, а в отсутствие короля – его юстициарию». Таким образом мэр и состоящий при нем совет *probi homines* (честных людей) из олдерменов получили официальный и весьма высокий статус. Честь быть первым мэром Лондона выпала Генри Фицэйлуину оф Лондонстоуну, который оставался на этой должности двадцать пять лет, до самой своей смерти в 1212 году.

Почти сразу после установления власти мэра и «коммуны» в Лондоне возродился дух традиции – словно, вернув себе древние силы, город заново обрел и чувство истории. В Гилдхолле начали расти общественные архивы – сюда поступали на хранение завещания, хартии и документы различных гильдий; в этот же период было издано множество законов, указов и распоряжений. Так у Лондона появилось административное «лицо», которому обязаны своим возникновением такие позднейшие организации, как Столичное управление городского хозяйства и Совет Лондонского графства в XIX, а также Совет Большого Лондона в XX веке. Это картина органического развития, не угасшего со временем.

Кроме того, возникла нужда в людях, постоянно занятых на административной службе, – писцах, нотариусах, юристах. Был разработан необычайно сложный аппарат гражданского законодательства и учреждены суды для рассмотрения различных нарушений. Эти суды осуществляли и общее наблюдение за состоянием города – в частности, Лондонского моста и системы водоснабжения, – тогда как в ведении отдельных урдов находились местная санитария, мощение и освещение улиц. Уорды отвечали также за общественную безопасность и здоровье населения; для этого имелось двадцать шесть самостоятельных подразделений полиции, среди которых были «не получающие платы констебли... бидли, или глашатаи; уличная стража, или ночные дозорные». Дошедшие до нас свидетельства показывают, что эти должности были отнюдь не sinecurой: в Лондоне конца XII столетия насчитывалось примерно сорок тысяч жителей, многие из которых вовсе не жаждали подчиняться предписаниям властей и соблюдать правила поведения, навязываемые им «оптиматами».

В 1193 году, когда в Лондоне объявили сбор денег на выкуп отсутствующего короля (краткое восстание его брата было решительно подавлено), многие горожане были очень недовольны этим распоряжением. В следующем году по случаю возвращения в Лондон Ричарда была устроена пышная церемония, но король не замедлил обложить город еще более тяжелыми поборами: однажды он якобы даже заявил, что «продал бы Лондон, если б нашелся покупатель», а это едва ли могло поднять его репутацию в глазах и так уже изнывающих под бременем бесконечных обложений местных жителей. Скорее всего, самое тяжкое бремя легло на плечи ремесленников и торговцев, стоявших по своему положению ниже «оптиматов», и в 1196 году вспыхнул мятеж этих лондонцев, возглавленных Уильямом Фицосбертом, «Длиннобороным». Борода была длинной, мятеж – коротким. Похоже, что Фицосберт получил поддержку многих горожан; в разных источниках его описывают как демагога и как защитника бедноты. По сути, эти характеристики не так уж несовместимы, однако само восстание отличалось безрас-

судством и свирепостью, столь обычными для города на Темзе. Фицосберт нашел убежище в Сент-Мэри-ле-Боу на Чипсайде, но в конце концов городские власти извлекли его оттуда и повесили в Смитфилде вместе с восемью другими мятежниками на глазах у его недавних сторонников. Но значение этой короткой вспышки состояло в том, что группа горожан отказалась подчиняться королевским чиновникам и богатым купцам, которые хозяйничали в городе. Она стала предвестием необходимых и неизбежных перемен: городское население начало отвоевывать себе место в управлении общественной жизнью.

Однако главным очагом напряжения и источником конфликтов по-прежнему оставались отношения между городом и королем. Смерть Ричарда I в 1199 году и воцарение Иоанна никак не смягчили антимонархических настроений, которые были словно органически присущи лондонцам. Продолжалась старая история: жителей города заставляли платить растущие налоги, или «пошлину», на покрытие королевских расходов. Мэр и самые влиятельные горожане пытались насаждать дух согласия – впрочем, отчасти это можно объяснить тем, что многие из них входили в непосредственное окружение короля и не обязательно выиграли бы от ограничения его власти. Но прочие лондонцы роптали все сильнее. Похоже, что король Иоанн, несмотря на данные им прежде обещания, присвоил себе право распоряжаться кое-какой городской собственностью, да и другие права; по словам летописца XIII века Мэтью Париса, после этого горожане превратились чуть ли не в рабов. Однако влияние фольклота еще не сошло на нет. В 1216 году пять лондонских богачей выдали французскому принцу Людовику тысячу марок с тем, чтобы он приехал в Лондон и был коронован вместо Иоанна. Однако осенью того же года Иоанн умер. Лондонцы отправили Людовика обратно домой и приветствовали юного Генриха III, девятилетнего сына Иоанна, в качестве законного наследника короны.

Пройдемся по улицам Лондона в эпоху долгого царствования Генриха III (1216–1272). Большие дома стояли вдоль них рядом с лачугами, к прекрасным каменным церквям прилепились деревянные палатки, где торговали мелким товаром. Контраст между богатством и бедностью проявлялся и по-другому: из сорока тысяч горожан более двух тысяч принуждены были просить милостыню. Обеспеченные купцы строили себе роскошные хоромы, а в распоряжении нищего лавочника были две комнатки по десять квадратных футов для жилья и работы; у самых состоятельных горожан была превосходная мебель и серебро, а люди скромного достатка имели только орудия своего труда, примитивную кухонную утварь и глиняную посуду.

В документах по расследованию одного убийства (некий молодой человек зарезал ножом свою жену) случайно обнаружился перечень предметов обстановки «среднего» лондонского дома. Несчастливая пара обитала в деревянном домике из двух комнат, расположенных одна над другой под соломенной крышей. В нижней комнате с дверью, выходящей на улицу, стояли складной стол и два стула, а на стенах «висела кухонная утварь, инструменты и оружие». Среди них были сковорода, железный вертел и восемь латунных горшков. В верхнюю комнату поднимались по лестнице – здесь была кровать с матрацем и двумя подушками. В деревянном сундуке лежали шесть одеял, восемь льняных простынь, девять скатертей и покрывало. Из одежды, которая «хранилась в сундуках и висела на стенах», нашлись три накидки, одна куртка с капюшоном, два платья, еще один капюшон, кожаный рабочий костюм и полдюжины фартуков. Были еще свеча, две тарелки, несколько подушек для сиденья, зеленый коврик и занавески на дверях для защиты от сквозняков. Пол тогда устилали камышом, который, по видимому, не вошел в опись. Это было маленькое, но уютное жилище.

Те, что победнее, снимали комнатки в домах, стоявших в узких переулках между широкими проспектами. Верхние этажи этих маленьких домов, так называемые соляры, выдавались вперед, так что между двумя рядами соляров едва проглядывало небо. Дома поменьше были в основном деревянными, с соломенной крышей, и напоминали саксонские и ранненормандские постройки; отчасти в Лондоне сохранилась атмосфера древнего города с его племенным

и территориальным делением. Однако после многочисленных пожаров (особенно свирепым был Великий пожар 1212 года) вышел закон, обязывавший домовладельцев строить дома из камня и класть крыши из черепицы. Куски черепицы этого периода найдены в помойных ямах, колодцах, погребах, мусорных кучах и дорожных фундаментах. Однако переход от привычного дерева к камню еще не был полным, и в эту эпоху здания из старого и нового материала еще стояли бок о бок.

О том, как тогда выглядели улицы, можно судить по уцелевшим документам. Например, в жалобах и записках из Гилдхолла мы читаем, что управитель Ладгейта позволил завалить Флит экскрементами до такой степени, что течение в некоторых местах прекратилось; общественная уборная неисправна, и «нечистоты в сем месте разъедают камень стен». Владельцы трактиров в приходе Сент-Брайд выставили наружу пустые бочки и помойные ведра «для нужды всего прохожего люда». Кто-то жаловался на разбитую мостовую на Хоузер-лейн, тогда как четырнадцать семейств, живших на Фостер-лейн, имели обыкновение «выбрасывать из окон нечистоты и выплескивать мочу к досаде всех населяющих сей уорд». Пекарей с Бред-стрит обвиняли в том, что у их лавок полно «грязи и мусора», а большой поток «воды с нечистотами и всякой иной дрянью» тек по Тринити-лейн и Кордуэйнер-стрит до Гарликхит-стрит, где, проложив себе путь между лавками Джона Гатерле и Ричарда Уитмена, сбегал в Темзу. Навозная куча на Уотергейт-стрит близ Бер-лейн «известна всем живущим окрест, и они сносят в нее содержимое своих отхожих мест и прочие мерзости». Есть сообщения о тухлой рыбе и гниющих устрицах, о сломанных общественных лестницах и завалах на мостовых, о закоулках, или «потайных углах», где собираются воры и «продажные шлюхи».

Но, пожалуй, самые красноречивые сведения о состоянии улиц можно почерпнуть из многочисленных правил, которые, как свидетельствуют материалы судов, постоянно нарушались. Торговцам предписывалось ставить свои лотки только на середине улиц, между «желобами», или канавами, тянувшимися вдоль обочин. На самых узких улочках эти канавы были прорыты посередине, так что прохожие волей-неволей прижимались к стенам домов. Мусорщики и уборщики каждого уорда должны были «следить за дорогами, разравнивать их, а также удалять всякую грязь»; эту «грязь» на запряженных лошадьми телегах доставляли к реке и вывозили на лодках, специально предназначенных для этой цели. Особые правила были установлены для вывоза отходов из мест, где забивали скот, – боен, оптового мясного рынка и рынка на Истчипе, – но жалобы на дурной запах все равно шли непрерывной чередой. В «Утопии» Мора (1516) забой скота происходит вне городских стен; эта выразительная деталь говорит о глубоком отвращении, которое вызывал у многих горожан этот промысел.

В «Liber Albus» указано, что свиньям и собакам нельзя позволять бродить по городу; еще более любопытно постановление, что «цирюльники не должны показывать кровь в своих окнах». Никому из горожан не позволялось носить при себе рогатки для стрельбы камнями, и все «куртизанки» обязаны были жить за городской чертой. Это последнее распоряжение нарушалось очень часто. Существовали также сложные правила, касающиеся возведения зданий и стен, с дополнительными оговорками для разрешения споров между соседями; здесь снова возникает картина многолюдного, тесно заселенного города. С той же целью обеспечения порядка и безопасности владельцам больших домов предписывалось держать наготове лестницу и бочку с водой на случай пожара; поскольку крыши было велено класть черепичные, а не соломенные, олдермены каждого уорда имели право делать обходы и удалять запрещенную солому с помощью шеста или багра.

О строгом надзоре над всеми горожанами говорит и наличие правил проведения частных и общественных мероприятий. Каждая сторона жизни людей регулировалась огромным количеством законов, постановлений и предписаний. Ни один «чужой человек» не мог провести под крышей горожанина больше одних суток, а поселиться в уорде мог лишь тот, кто «имел добрую репутацию». Прокаженным доступ в город был запрещен. Никому не позволялось раз-

гуливать по улицам «в запрещенные часы» – то есть после того, как прозвонят вечером в колокола, – иначе гуляка рисковал попасть под арест как «ночной бродяга». Запрещено было также «торговать в трактирах элем и вином после вышеуказанного вечернего звона... и оставлять в них кого бы то ни было, сидящего или спящего... и никто не должен приводить к себе домой посетителей из общественного трактира, ни днем ни ночью».

В летние месяцы вечерние колокола звонили в девять часов, а зимой – еще раньше, с наступлением темноты. Когда раздавался бой колоколов Сент-Мэри-ле-Боу, а за ним – церковью Сент-Мартин, Сент-Лоренс и Сент-Брайд, трактиры пустели, подмастерья и ученики кончали работу, гасились свечи, а городские ворота закрывались и запирались на засовы. Некоторые подмастерья считали, что звонарь Сент-Мэри-ле-Боу заставляет их чересчур долго трудиться, мешкая с «отбоем», и, как передает Джон Стоу, сочинили такой стишок:

Желтоволосый клирик из Сент-Мэри,
Не спи, а то получишь в полной мере.

На что клирик язвительно отвечал:

Дети Чипсайда, зря вы кричите,
Буду звонить, когда захотите.

По этим строчкам видно, что все горожане хорошо знали друг друга – каждому, например, было известно, что у звонаря желтые волосы. Но самое впечатляющее – это, пожалуй, образ темного и молчаливого города, забаррикадировавшегося от внешнего мира.

Эту тишину иногда нарушали отчаянные, пронзительные крики. Гражданам вменялось в обязанность «поднимать громкий шум» при любом нарушении порядка, и человеку, который «не поспешал на помощь, услыша таковой шум», грозил суровый штраф. Лондон был городом, где ради поддержания мира и покоя все следили за всеми, и сохранилось множество сообщений о том, как лондонцы поднимали тревогу, когда их сосед издевался над учеником или бил жену.

Однако вполне естественно, что самый обширный корпус законов Лондона – этого города, проникнутого меркантильным духом, – был посвящен регулированию коммерческих отношений. В ту пору существовали сотни правил, регламентирующих все стороны торговой деятельности. Например, продавцы сыра и птицы должны были «стоять между стоков на рынке Корнхилла, дабы не досаждать никому», а продавцам других товаров отводились в городе другие места. Ни одному торговцу не позволялось «покупать что бы то ни было съестное для перепродажи, пока у Св. Павла не прозвонят к заутрене». Из двадцати предписаний, относящихся к одним только пекарям, можно выделить следующие: тем, кто изготавливал «торты» (tourte), то есть хлеб, выпеченный на сковороде, не разрешалось продавать белый хлеб, а на каждой буханке пекарь обязан был оставлять «свое клеймо». Закон гласил, что «рыба всякого рода, принесенная в город в корзинах, должна быть так же свежа сверху, как и со дна» и что «ни один незнакомец не должен покупать у незнакомца».

Рыбаки подчинялись сотням правил, определяющих, что, как и где они могут ловить; величина сетей и размеры их ячеек скрупулезно измерялись. Кроме того, существовала сложная система пошлин и налогов: указывалось, что «всякий, кто принесет сыру или птицы на четыре с половиной пенса, должен уплатить полпенни. Если пеший принесет сотню яиц или более, он должен отдать пять яиц». В случае «если мужчина или женщина привезут какую бы то ни было птицу на лошади и дадут ей коснуться земли», с нее или с него причитался больший налог. Это был сложный свод правил, но он преследовал простую цель: обеспечить жителей города приличной пищей и одеждой. С одной стороны, он препятствовал тому, чтобы покупатели и продавцы предъявляли друг другу чрезмерные требования, с другой – защищал право

жителей торговать в городе, не опасаясь засилья «чужих», или «незнакомцев». Была у него и еще одна немаловажная цель: систематизировать торговлю, чтобы уменьшить риск появления на рынке фальшивых мер, испорченных продуктов и некачественных товаров.

Однако на улицах этого процветающего, пестрого и деятельного города порой происходили и трагические события. В судебных отчетах этого периода можно прочесть о безымянных нищенках, падавших и умиравших на мостовой, о нередких самоубийствах, о многочисленных роковых случайностях: «утоп в канаве за Олдерсгейтом... упал в чан с горячим суслом». Мы узнаем, что «бедная маленькая женщина по имени Алиса была найдена утопшей за городской стеной. Подозреваемых нет... Некто Элиас де Пуртур, несший сыр, упал замертво на Бред-стрит... Девочка лет восьми была найдена мертвой на церковном дворе Сент-Мэри-Сомерсет. Предполагается, что ее выбросила туда какая-то проститутка. Подозреваемых нет». Самоубийство в этот век набожности могло считаться только результатом помешательства. Изабель де Пампесуорт «повесилась в припадке безумия» в своем доме на Бред-стрит. Алиса де Уэйнвик «утопилась в Даугейтской гавани, будучи *non compos mentis* [не в здравом рассудке]». Пьянство было всеобщим, и сообщения о гражданах, выпавших с соляра на землю, нырнувших со ступеней набережной в Темзу или свалившихся с деревянной лестницы, встречаются постоянно. Перечень этих и других печальных происшествий можно найти в книге «Лондонский суд 1244 года». Некоторые записи весьма живо рисуют эпоху. «Некий человек по имени Таррок» был найден мертвым, но «обнаружилось, что в постели усопшего в момент его смерти лежали три человека... и они получили волю», – последнее означает, что с них были сняты все обвинения. В другом случае «Роджер ударил Мод, жену Гилберта, молотком между плеч, а Мозес ударил ее рукоятью меча в лицо, выбив многие зубы. Она оставалась живою до праздника св. Марии Магдалины, а затем умерла».

Эта литания смертей и несчастий говорит о жестокости и насилии, царивших на городских улицах: люди были вспыльчивы, и жизнь ценилась очень дешево. «Генри де Бук убил ножом некоего ирландца, мастера по кладке черепицы, на Флит-Бридж-стрит, и спрятался в церкви Сент-Мэри-Саутуорк. Он признал свою вину и... отрекся от подданства. Никакого имущества у него не было». Ссора троих мужчин в трактире на Милк-стрит привела к трагедии: на одного из них напали с «ирландским ножом» и «мизерикордом» (кинжалом, которым «милосердно» добивали поверженного врага); смертельно раненный человек добрался до церкви Сент-Питер на Чипсайде, причем никто из свидетелей драмы не предложил ему помощь.

Члены разных торговых гильдий вступали в открытые схватки на улице; например, группа ювелиров напала на шорника – ему раскроили голову мечом и отрубили топором ногу, да еще отколотили дубиной; он умер пять дней спустя. Когда в Олдерсгейте взбунтовались помощники стряпчих, какой-то горожанин «ради забавы» пустил в толпу стрелу, которая убила невезучего зеваку. «День любви», устроенный с целью примирения медников и кузнецов, изголавливающих железные изделия, обернулся всеобщим буйством. Когда компания гуляк ворвалась в трактир и один из посетителей спросил: «Кто эти люди?» – его немедленно зарубили мечом. На улицах то и дело вспыхивали драки, устраивались засады и разгорались споры из-за ничего – или, как тогда говорилось, «из-за козлиной шерсти». Партии в кости и триктрак часто кончались пьяными потасовками, причем ясно, что некоторые хозяева игорных заведений беззастенчиво обманывали своих клиентов. О многом говорит то любопытное обстоятельство, что представители властей и приходские священники быстро реагировали на религиозные нужды искалеченных или умирающих, однако им очень редко пытались оказать медицинскую помощь, призвав на место происшествия врача или цирюльника, умеющего отворять кровь. Раненых обычно не трогали, предоставляя им жить или умереть, как то будет угодно Провидению.

Много было нападений на женщин; в судебных отчетах описываются случаи, когда жительницы Лондона умирали в результате нанесенных им побоев или становились жертвами жестокого предумышленного убийства. Некая Леттис обвинила виноторговца Ричарда из Нортон в том, что он «изнасиловал ее и лишил девства», но эта жалоба не стала предметом судебного разбирательства. Избиения жен были часты и обычно оставались безнаказанными, но женщины, подвергавшиеся нападениям, иногда в свою очередь проявляли агрессию. Одна пьяная горожанка принялась выкрикивать оскорбления в адрес строителей, работавших на углу Силвер-стрит, – она называла их «tredekeiles», что можно перевести как «паршивые тупицы», – и быстро спровоцировала драку, в которой один человек был убит ножом в сердце. Женщины могли взять на себя и отправление правосудия, жестокое даже по лондонским меркам: когда некий бретонец убил вдову в ее постели, «женщины того прихода вышли наружу с камнями и собачьим дерьмом и прикончили убийцу прямо на улице».

Олдермены и дозорные каждого прихода имели дополнительные обязанности, которые проливают любопытный свет на обычаи средневекового Лондона. Например, они обязаны были арестовать всякого, кто появится на улице в маске: считалось, что маску может носить только преступник. Судя по материалам судебных архивов, этим должностным лицам предоставлялось также право снимать двери и окна в любом доме с сомнительной репутацией; есть запись о том, как они «вошли в дом мясника Уильяма Кока на Кокс-лейн и сорвали одиннадцать дверей и пять окон при помощи молотков и зубил». Показательно, что имя нарушителя, его профессия и название улицы, на которой он проживал, тесно связаны между собой¹² в характерной для Средневековья манере: отсюда можно заключить, что жители целого района часто занимались одним и тем же ремеслом (в данном случае резали птицу). Другие отчеты также весьма интересны, хотя и повествуют о менее бурных событиях. Ночные сторожа арестовали нескольких учеников за то, что они наполнили бочку камнями и скатили ее под уклон от Грейсчерч-стрит к Лондонскому мосту, «учинив панику среди окрестных жителей».

В судебных записях чуть более позднего периода мы находим сообщения о событиях непристойного, или интимного, характера: их шокирующая откровенность порой словно переносит нас в одну комнату с этими далекими предками современных лондонцев. «Уильям Пегден говорит, что некий Моррис Хор привел некую Сесил, и вышеупомянутый Колуэлл воспользовался телом вышеупомянутой Элизабет, а вышеупомянутая Алиса Дей ожгла [заразила венерическим заболеванием] вышеупомянутую Сесил... И потом вышеупомянутая Алиса Дей немедленно подошла, и вскочила на кровать, и что-то сказала Сесил, когда они стали целоваться, и раздвинула ноги так широко, что меж них могла бы пройти запряженная повозка».

Преступления бывали самыми вопиющими, но при назначении кары за них судьи, как правило, исходили из интересов общества. Нередко высказывалось мнение, что чиновники средневекового города проявляли больше мягкосердечия, чем их преемники в XVII и XVIII веках, и это в известном смысле правда. Например, такие наказания, как отсечение конечностей, во многих случаях заменялись менее суровыми. Но если речь шла об угрозе общественному порядку, суд становился по-настоящему безжалостным, и виновных в подобных преступлениях зачастую вешали или обезглавливали. К высшей мере почти всегда приговаривали мятежников и тех, кто каким-либо иным образом покушался на королевскую власть; например, один человек был повешен за подделку королевской печати. Головы мятежников и предателей вываривали в кипятке и выставляли на Лондонском мосту, иногда увенчивая их плющом – последний театральный штрих в драме преступления и наказания. Кроме того, если в городе начинались беспорядки и возрастала социальная напряженность, мэр и олдермены прибегали к высшей мере как к самому быстрому способу утихомирить население. Убийство всегда каралось повешением (щадил только женщин, которым удавалось доказать свою бере-

¹² Кок (cock) – по-английски «петух».

менность), но обычным нарушителям закона в достаточно мирные времена грозили, как правило, тюрьма или позорный столб. Уолтеру Уолдескефу предъявили обвинение в том, что он «играет в бабки почти всякую ночь»; как сообщалось в отчете, он «гулял ночами, хорошо одевался и был щедр на угощение, хотя никто не знает, чем он зарабатывал на жизнь». Через год после ареста он был заколот ножом на Ломбард-стрит и умер в церкви Сент-Суитин на Уолбруке. Агнес де Бьюри арестовали «за торговлю старым мехом на Корнхилле», а Роджера Уэнлока приговорили к тюремному заключению «за продажу пива по два пенни за галлон». Пекарь Джон Мунди «был поставлен к позорному столбу на Корнхилле за то, что выпекал дурной хлеб», и в том же месяце Агнес Дейнте также поставили к позорному столбу за продажу «дурного смешанного масла». Было раскрыто и множество других, самых разнообразных обманов, и их виновники получили по заслугам. Один пекарь проделал дыру в своей доске для разделки теста; когда клиент приносил тесто для выпечки, часть его соскребал член семьи пекаря, прятаясь под стойкой. В другом случае бывший слуга официального лица, уволенный своим хозяином, ходил по трактирам и угрожал конфисковать эль; честные трактирщицы платили ему за то, чтобы он оставил их в покое. Наконец его схватили и приковали к позорному столбу.

Некоторые наказания были более экзотическими. Проституткам и «блудникам» (тем, кто являлся с проститутками) выбривали волосы, оставляя полоску в два дюйма над лбом у мужчин и маленький кружок на макушке у женщин. Затем их отводили к соответствующим позорным столбам, где они становились мишенью для нападков и развлечений честных горожан. Если женщину уличали в проституции, ей полагалось «прошествовать от тюрьмы до Олдгейта» в капюшоне из полосатой ткани и с белой свечой в руке; потом ее доставляли к позорному столбу, а затем, после ритуальных оскорблений, вели по Чипсайду и через Ньюгейт в охраняемые дома на Кок-лейн в западном Смитфилде.

Перед теми, кто был приговорен к позорному столбу за продажу недоброкачественных тканей или других товаров, сжигали вещи, которыми они торговали. Джон Уолтер пользовался неправильной меркой при продаже угля; суд повелел приковать его к позорному столбу и в течение часа «жечь под ним его добро». Иногда путешествие к месту наказания сопровождалось дополнительными унижениями: преступника заставляли ехать на лошади задом наперед и надевали ему на голову шутовской колпак. Некого священника, пойманного *in flagrante delicto* (на месте преступления), провели по улицам в спущенных штанах, а его церковное облачение в это время несли перед ним. Сэра Томаса де Тербервилла, предателя, вывели на улицу в полосатом балахоне и белых башмаках; его привязали к лошади, а рядом с ним ехали шестеро должностных лиц, с ног до головы одетых в красное, считавшееся «дьявольским» цветом. Таким образом, наказание порой обращалось в праздник; в относительно небольшом и замкнутом городе оно становилось торжеством коммунального духа.

Однако жестокость – можно даже сказать, варварская жестокость – всегда была готова вырваться наружу, и это лучше всего демонстрирует судьба преступников, избежавших петли и позорного столба и угодивших в Ньюгейт. Анализ материалов следствий, проводимых коронером в 1315–1316 годах, показывает, что шестьдесят два из восьмидесяти пяти человек, причины смерти которых подлежали выяснению, были убиты в Ньюгейтской тюрьме. Естественно, что совершалось множество отчаянных попыток вырваться из этого гибельного места. Как-то раз заключенные прорвались на крышу и «бились с гражданами и удерживали ворота весьма долго», из чего явствует, что охраняли тюрьму, по сути, сами же лондонцы. Пожалуй, нечего удивляться тому, что один из первых уцелевших текстов на лондонском английском, написанный в середине XIII столетия, носит название «Молитва узника».

Был только один эффективный способ избежать гнева горожан, и заключался он в том, чтобы воспользоваться правом убежища. Преступник, которому удавалось ускользнуть от преследователей и спрятаться в какой-либо из множества церквей, мог провести там в безопасности сорок дней. Блюстители закона сторожили церковь на случай внезапного побега, не остав-

ляя своего поста ни днем ни ночью, и отряд горожан дежурил рядом круглые сутки. Кроме храмов, спасение можно было найти в Саутуорке, на южном берегу реки и к востоку от Тауэра – иными словами, там, где кончалась власть города, правонарушитель получал свободу. Это еще одно свидетельство замкнутости города на себе, хотя в подобных случаях ему не помешала бы более широкая юрисдикция. Находясь в убежище, преступник часто делал признание официальным лицам, а по окончании сорока дней его заставляли «отречься от подданства» и отправиться в изгнание. Затем его принародно объявляли изгоем на фолькмоте.

Так по древним актам и заключениям коронера, судебным постановлениям и приказам, отчетам и архивным записям мы можем восстановить дух средневекового Лондона, царивший на тех улицах и в тех переулочках, где люди обитают и поныне. Но если в тогдашнем городском обществе нередко возникали жестокие столкновения на бытовой почве, то не менее бурной была и его политическая жизнь.

Летописи XIII века изобилуют сообщениями о мятежах, побоищах и уличных стычках. В течение этого периода Лондон почти непрерывно конфликтовал с правящим монархом Генрихом III, тогда как за власть внутри города боролись группы, именовавшие себя оптиматами и популярами, – старые могущественные коммерсанты, представляющие собой олигархическую верхушку, и члены ремесленных и торговых союзов, которые лишь недавно почувствовали свою силу. Ситуация осложнялась еще и тем, что олигархи тяготели к роялизму, а популяры, иначе называемые «медиокрами», инстинктивно поддерживали знать, открыто враждовавшую с королем. Как обычно, Лондон снова был ставкой в этой игре. Тот, кто получал власть над городом, был близок к власти над всем королевством. Периодически вспыхивавшие в стране междоусобные войны имели свои последствия: в городе возникали партии и кланы, поддерживающие соперников, так что на улицах Лондона разыгрывались битвы, которые были миниатюрным отражением склок национального масштаба. Город поистине являлся воплощением всей Англии.

Город контрастов

Транспортная «пробка» на Ладгейт-хилле во второй половине XIX в., изображенная французским художником Гюставом Доре.

Глава 5

Вечно шумящий

В Лондоне всегда было шумно – это одна из черт, создающих нездоровый облик города. Это же говорит и о его противоестественности: город рычит, словно гигантское чудовище. Но это также свидетельство его энергии и его мощи.

С самого его основания в Лондоне звенели молотки ремесленников и раздавались выкрики продавцов; такого шума не было ни в одной другой части страны, и в некоторых кварталах – например, там, где жили кузнецы и бондари, – грохот стоял почти невыносимый. Но были и другие звуки. В раннем Средневековье к гомону торговцев и стуку ремесленников добавлялся звон колоколов и колокольчиков – мирских, церковных, монастырских, сторожевых и оповещающих о конце рабочего дня.

Может показаться, что колокола должны были звонить гораздо реже после Реформации, когда Лондон перестал быть городом набожных католиков, но все факты говорят о том, что горожане и тогда не утратили своей любви к ним. Одного немецкого герцога, прибывшего в Лондон вечером 12 сентября 1602 года, поразило удивительное сочетание городских шумов. «Достигнув Лондона, мы слышали громкий звон колоколов почти во всех церквях, не утихавший до позднего часа, и то же повторялось в последующие дни до семи или восьми часов вечера. Нам сообщили, что молодые люди занимаются этим ради упражнения и забавы, а порой даже бьются об заклад на крупные суммы, соревнуясь, кто дольше или красивее прочих прозвонит в колокол. В приходах тратят на колокола огромные деньги, ибо тот приход почитается больше всех, где звонят мелодичнее. Передают, что старая королева весьма одобряла сие развлечение, видя в нем признак процветания народа». Этот отрывок заимствован из книги Брюса Р. Смита «Мир звуков Англии в начале современной эпохи», предлагающей своеобразную трактовку лондонской истории. В ней выдвигается предположение, что гармоничный колокольный звон должен был в известном смысле выражать гармоничность самого города, включая «процветание» народа, но на самом деле тут налицо элемент театральности и бравады, к которым были издавна склонны жители Лондона. И действительно, в их любви к громким звукам сквозит чуть ли не склонность к насилию. Еще один немецкий путешественник написал в 1598 году, что лондонцы «обожают такие оглушительные звуки, как пальба из пушек, барабанный бой и колокольный звон, и посему многие из них... часто поднимаются на колокольню и по несколько часов кряду звонят изо всей мочи ради удовольствия». Капеллан венецианского посла также сообщал, что «лондонские юноши заключают пари – кому удастся прозвонить в колокола так, чтобы слышно было далее всего». Здесь жажде самовыражения сопутствуют агрессивность и дух соперничества.

В свете всего сказанного, пожалуй, не стоит удивляться тому, что само определение понятия «лондонец» носило, так сказать, акустический характер. Истинным кокни считался тот, кто родился в пределах слышимости колоколов Сент-Мэри-ле-Боу – по свидетельству Джона Стоу, «наизнаменитейшей приходской церкви во всем городе и окрест». Файнс Морисон в 1617 году заявил, что «лондонцев, живущих в пределах звона Ле-Боу, в насмешку зовут кокни и поедателями намасленных тостов». Брюс Смит предположил, что слово «кокни» происходит от флюгера в форме петушка (cock), некогда венчавшего колокольню Сент-Мэри-ле-Боу, и что возникновение соответствия между понятием «лондонец» и колокольным звоном объясняется «болтливостью» или «краснобайством» местных жителей.

По мере роста города рос и уровень городского шума. К началу XV века, как пишет Уолтер Безант в своем «Лондоне», «более шумного города не было в целом свете» – его было слышно в Хайгейте и на суррейских холмах. Деккер в «Семи смертных грехах Лондона» пишет

о компонентах этого непрекращающегося шума: «в одном месте стучат молотками; в другом набивают обручи; в третьем звенят посудой; в четвертом с грохотом катят бочку для воды». Здесь шум ассоциируется с активной деятельностью и особенно с зарабатыванием денег. Шум был неизбежным атрибутом труда плотников и бондарей, кузнецов и оружейников. И представители других профессий – грузчики, носильщики, рабочие на верфях – считали шум непременным спутником своего ремесла: только с его помощью можно было утвердить себя и продемонстрировать свою роль в жизни торгового города.

В разных городских районах звучали разные шумы. Например, из литейных Лотбери «слышался шум, несносный для уха прохожего, не привыкшего к чему-либо подобному», а в квартале кузнецов не умолкал «грохот и звон их молотов и наковален». Был также вездесущий шум лондонских улиц, где, сошлемся опять на Томаса Деккера, «повозки и кареты грохотали невыносимо» и где «на открытых мостовых столько топота, столько говора, столько бега, столько езды, столько хлопанья окон и стука в двери и столь громко требуют напитков, покупают мясо и честят друг друга, что мне всякий раз чудится, будто я обитаю в городе вечной битвы». На фоне такого шума легко рождаются образы насилия и агрессии. В 1598 году поэт Эверард Гилпин сочинил сатирические стихи о «забитых людом улицах» Лондона, на которых он наблюдал «мешанину из стольких шумов... стольких разных голосов». Здесь неоднородность Лондона проявляется в характере уличного шума. Но в отсутствие постоянного гула транспорта, без которого нельзя представить себе улицы современного Лондона, человеческие голоса должны были слышаться отчетливей. Деревянные и каменные дома по обе стороны основных магистралей отражали звук голосов, так что одной из главных особенностей города в XVI столетии должен был быть неумолчный гомон толпы, сливающийся в один настойчивый монолог, который можно определить как разговор города с самим собой.

Существовали места, где голоса достигали такой высоты и громкости, что тоже воспринимались как типично «лондонский» шум. Было известно, что под сводами собора Св. Павла голоса звучат по-другому. Заглянем еще раз в монографию Брюса Смита: «Шум здесь подобен тому, какой издают пчелы: это странное гудение или жужжание, являющее собой смесь шагов и разговоров, нечто вроде тихого рокота или громкого шепота». Королевская биржа, где собирались купцы со всего света, была «гулкая, со сводчатыми потолками, и всякое сказанное в ней слово многократно повторялось эхом». Коммерческий центр отличался усиленной реверберацией, и финансовые сделки порождали нечто похожее на раскаты грома. А в трактиры, посетителями которых были торговцы и коммерсанты, «люди приходили поднять настроение, но вместо того поднимали шум». Таким образом, в храмах власти и торговли стоял навязчивый гул мужских голосов, звучащих на повышенных тонах. Насчет трактиров Сэмюэл Джонсон как-то заметил: «Сэр, в одних только этих заведениях вас встречают тем радушнее, чем больше вы производите шуму». Это полезное наблюдение скрывает в себе намек на свойственные лондонцам агрессивность и любовь к драматическим эффектам: чем громче вы шумите, тем больше у вас прав считаться истинным лондонцем. В театрах тоже стоял несмолкающий шум: зазывалы расхваливали достоинства спектакля, гудела набившаяся в зал публика, кто-то грыз орехи, а кто-то требовал эля.

А на улицах звонили колокола, грохотали телеги, перекрикивались торговцы, лаяли собаки, хлопали на ветру вывески. Но был и еще один звук, относительно непривычный для лондонцев более поздних поколений, – а именно журчание воды. В XVI столетии по городу бежали ручьи и речки. Звук воды, льющейся из пятнадцати трубопроводов, смешивался с шумом Темзы и плеском ее волн, слышными на всех улочках и дорогах, ведущих к реке. Вода из Темзы перекачивалась в маленькие деревянные трубы с помощью огромных колес, и их бесконечный скрежет тоже вплетался в и без того оглушительный шум города.

В 1682 году это был все тот же постоянный шум, похожий на нескончаемый крик. «Ложусь я в бурю и под гром встаю», – провозгласил в этом году сэр Джон Олдем. Он говорит о «трезвоне неугомонных колоколов», наряду с которым в городе раздаются

Тирады пьяниц, звон полночный стражи,
Шум в лавках и лоточников призыв.

Автор хочет сказать, что город непрерывно бодрствует: жизнь в нем кипит круглые сутки. Надо иметь в виду, что Лондон XVII века был населен не только людьми, но и животными. Сэмюэла Пипса разбудил как-то ночью «дьявольский гам, поднятый боровом, коровою и собакой». Звуки, которые издавали «столичные» лошади, коровы, собаки, кошки, свиньи, овцы и куры, смешивались с топотом и мычанием огромных стад, перегоняемых в Смитфилд и на другие открытые рынки; Лондон, как тогда говорили, пожирал провинцию, и его чавканье было слышно повсюду.

Многие авторы рассказывают о том, как удивлял и озадачивал лондонский шум людей, приехавших в этот город впервые. С одной стороны, он рассматривался как свидетельство лондонской «вольницы», ибо граница между свободой и анархией здесь всегда оставалась размытой. В городе, насквозь проникнутом эгалитарным духом, каждый был волен занимать свое собственное место, «самовыражаясь» посредством бесконечного шума. Слух чужестранца, изображенного на гравюре Хогарта «Взбешенный музыкант» (1741), атакуют хрюканье борова (возможно, потомка того, который досаждал Пипсу), вопли кошек, трещотка девочки, барабан мальчишки, выклики молочницы, жалобный призыв продавца баллад, занятые своим делом точильщик ножей и изготовитель оловянной посуды, перезвон колоколов, попугай, бродячий музыкант, наигрывающий на гобое, пронзительный крик мусорщика и собачий лай. Все персонажи картины замечательны тем, что представляют собой выразительные и очень знакомые лондонские типы. Здесь Хогарт воспекает шум как неотъемлемую принадлежность городской жизни. Шуметь – это привилегия лондонцев; следовательно, шум есть органическое и неизбежное условие существования города. Например, лишить уличных торговцев и разносчиков права кричать значило бы обречь их на гибель.

Конечно, люди, приехавшие в город по делам, не обязаны были разделять любовь Хогарта к шуму, окружавшему его с самого рождения. Героя романа Тобайаса Смоллетта «Путешествие Хамфри Клинкера» (1771) ночные шумы приводят в отчаяние. «Каждый час я просыпаюсь, разбуженный страшным шумом ночного дозора, выкликающего часы по всем улицам и бьющего в колотушку у каждых ворот», – иллюстрация того факта, что даже само время может служить причиной шума. И утром тоже: «Меня стоняет с постели еще более устрашающий грохот деревенских телег и крик зеленщиков, продающих у меня под окнами зеленый горошек»¹³. Торговля, так же как и время, должна громогласно заявлять о себе. Йозеф Гайдн жаловался, что ему придется бежать в Вену, «чтобы иметь возможность поработать в тишине, ибо шум, который поднимают простолюдины, торгующие на улицах своим товаром, просто невыносим».

Однако были и те, кто настолько горячо жаждал причаститься лондонского духа, что приветствовал шум и заключал его в объятия, точно пылкий влюбленный. «Здесь шум, – писал Босуэлл, впервые попавший в Лондон в 1762 году, – толпа, пестрота магазинов и вывесок приятно удивили меня». Он прибыл в столицу через Хайгейт и, добравшись до этой возвышенности, мог уже слышать шум. «Попробуйте спуститься по Хайгейт-хилл в летний день, – писала Летиция Лэндон в начале XIX столетия, – и вы увидите огромную массу домов, раскинувшихся темной панорамой, услышите особый нестихающий шум, который уподобляют рокоту далекого океана, хотя он звучит совершенно иначе... а потом скажите, существовали

¹³ Перевод А. Кривцовой.

ли когда-либо холм или долина, способные разбудить в душе столь могучее и благоговейное чувство, знакомое нам благодаря шедеврам эпической поэзии». Так шум города вносит свою лепту в его величие.

Это впечатление тревожащего душу, почти трансцендентного звука было, по сути, открытием XIX столетия, когда Лондон превратился в великий урбанистический миф для всего света. Его шум стал вселять в души людей благоговение и ужас; в нем появилось нечто сакральное. В 1857 году Чарлз Манби Смит в своем парадоксально озаглавленном «Малом мире Лондона» характеризовал его как «тот трудноописуемый, но постоянный далекий рокот, который показывает, что Лондон не теряет времени попусту, и который к середине дня перерастет в оглушительный рев, а покуда лишь неуловимо, но непреклонно усиливается». Слово «рев» намекает на присутствие гигантского зверя, но более важно здесь это описание ровного далекого рокота – словно некой формы медитации или самопознания. В том же повествовании мы читаем о «непрерывном ошеломительном напоре оглушающих звуков, который свидетельствует, что кровь Лондона стремительно бежит по тысяче его сосудов, – явление, впрочем, отнюдь не досаждающее коренному лондонцу, как не досаждал дикарю-индейцу, ютящемуся у подножия водопада, его вечный гул». Это любопытный образ, он роднит Лондон с естественной стихией; в то же время здесь слышится неявный намек на дикость местных жителей, неукротенных и неукротимых.

С расстояния в три мили, то есть из «отдаленных» пригородов, которым вскоре суждено было оказаться втянутыми в могучий водоворот города, шум Лондона представляется «рокотом морских волн, разбивающихся о каменистый берег, если слушать его вдали от моря». Это навязчивый образ близости огромного метрополиса. Этот несмолкающий звук сравнивали с Ниагарой, которая неумолимо низвергает с кручи свой вечный поток, и с биением человеческого сердца. Он кажется близким и вместе с тем безличным, как голос самой жизни. То же ощущение посетило Шелли, когда он написал:

О Лондон – как великий океан,
Чей рев и глух, и громок, извергаешь
На берег ты останки жертв и воешь, требуя еще.

Эпитеты «глухой» и «громкий» создают образ безжалостного монстра; глагол «выть» говорит о страхе, боли и ярости в равной мере. В шуме города сквозят алчность и беспомощность, словно в крике ребенка, который никогда не взрослеет. Это древний, но вечно обновляющийся голос.

Знаменитый американский автор XIX века Джеймс Расселл Лоуэлл писал: «Признаюсь, что стоит мне подумать о любимом мною Лондоне, как я вспоминаю о дворце, построенном Давидом для Вирсавии, которая, сидя в нем, слышала бег сотни потоков: потоков мысли, потоков разума, потоков деятельности. Еще одна особенность Лондона поражает меня необыкновенно: это его низкий, непрерывный рокот, не похожий ни на какой иной звук; он впечатляет больше рева бури или водопада, ибо в нем ощущается присутствие человеческой воли и сознательного движения, и я признаюсь, что этот звук напоминает мне смутный гул самого времени».

Таким образом, здесь тоже находит свое проявление мистическое чувство: Лондон становится воплощением самого времени. Великие потоки мысли и разума никогда не прекращают своего бега; изменив метафору, можно сказать, что они напоминают космические ветры. Но действительно ли шум города – это шум самого времени? В подобном шуме должен слышаться звук перетекания будущего в прошлое, этого стремительного и необратимого процесса, происходящего «в данный миг», которого нельзя ни уловить, ни осознать. Тогда это шум гигантской утраты, тот «вой», о котором пишет Шелли. Говоря словами Т. С. Элиота, поэта, чье понима-

ние времени и вечности сложилось под прямым воздействием лондонских впечатлений, «все время неискупимо». Лондон тоже «неискупим», и при желании мы можем ощутить в его шуме бег огромного количества отдельных, «личных» времен, непрерывно утекающих в небытие.

Однако даже в гуле этого могучего потока можно было различить и запомнить звуки, характерные именно для Лондона и ни для какого иного города XIX столетия. Это звучание «немецкого оркестра» с его рожком, тромбоном и кларнетом; это жалобные причитания шарманки; это речитатив старого продавца спичек, предлагающего свои «люциферы». Это гроыхание телеги мусорщика, влекомой огромными битюгами «в тиарах из звенящих колокольчиков». Это бесконечный цокот копыт, без которого Лондон попросту осиротел. Одна лондонская дама жаловалась: «Я ужасно скучаю по ночному стуку копыт – *без него мне так одиноко*». Был, разумеется, и постоянный стук колес, бесконечно катящихся, будто их инерция никогда не встречала сопротивления. «Для слуха чужестранца, – писал в 1837 году один газетчик, – никогда не утихающий грохот бесчисленных экипажей, которые снуют по улицам Лондона, представляет собой почти невыносимое испытание. Потолковать с приятелем, случайно встреченным на улице, абсолютно невозможно... Из того, что говорит ваш собеседник, вы не разберете ни слова». Джейн Карлейль, поселившаяся в Лондоне вместе со своим мужем Томасом, в 1843 году спрашивала у подруги в письме: «Не странно ли, что у меня в ушах стоит нескончаемый шум, который издают мужчины, женщины, дети, омнибусы, экипажи, кареты, кебы, телеги, подводы, колокола, колокольчики, то и дело стучащие в двери визитеры, почтальоны, лакеи – словом, творится что-то невообразимое?» Ей казалось, будто весь мир сошел с ума. То же чувство сквозит в книге, озаглавленной «Воспоминания о Лондоне 1840-х», где о шуме уличного движения написано так: «Словно стук всех колес всех экипажей на свете слился в один скрежещущий, стонущий, грохочущий рев».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.